

Петр БУРМИН

**ЖИЗНЬ НА БОЧКЕ
С ПОРОХОМ**

**Новокузнецк
2010**

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

ЖИЗНЬ НА БОЧКЕ
С ПОРОХОМ

Фантастические рассказы

Составитель – Н.Н.Калашников

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Жизнь на бочке с порохом : фантастические рассказы / Бурмин Петр ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2010 . – 68 с. : ил.

©Бурмин П. С., 2010

Рис. на первой странице обложки: Бурмин П. «Звездное небо»

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

Истории, рассказанные навигатором ВИС ЛОТОМ

Мощность звездолета: две человеческие силы

В ресторане "Волосы Вероники", находящемся неподалеку от космодрома, было, по обыкновению, многолюдно, хотя его кухня не отличалась особой изысканностью, а ампулы с газообразным спиртом тут не стоили дешевле, чем в прочих заведениях подобного толка. Стало быть, люди приходили в этот ресторанчик по какому-то иному поводу. Вполне возможно, что поводов было несколько. Поэтому мы не беремся утверждать, что посетителей привлекала сюда перспектива повидать знаменитого космопроходца Вис Лота и послушать его истории, не знавшие себе равных. Тем более, что здешняя стряпня все-таки вполне сносна... Мы уж не говорим о хорошеньких официантках, у которых могли быть поклонники...

Вис Лот ухитрился обмануть само время и пережить своих правнуков и праправнуков, хотя на вид ему было лет пятьдесят, не более. Он невелик ростом, подвижен; его квадратное лицо неизменно излучает добродушие.

– Вот что, ребята, – сказал он, разрезая сосиску на дольки, – больше вы не вытянете из меня ни единого слова... – и надолго умолк... Лишь после того, как содержимое тарелки перекочевало к нему в желудок, он, широко улыбаясь, добавил: – ...кроме, разумеется, вот этой историйки, что я выложу вам сию минуту. Речь пойдет о двух человеческих силах, которые помогли "Мезону" (в нем я летал первым навигатором) добраться до Церы, обитаемой разумными существами планеты, что находится в системе Альдебарана. Дело было так...

– Любопытно, – перебил рассказчика некий Сос Тот, единственный из завсегдатаев "Волос Вероники", кто позволял себе иронизировать над рассказами Вис Лота, за что последний частенько выпроваживал первого из ресторана. – Человеческая сила... что это – единица измерения, подобная лошадиной... или речь идет о сказочной так называемой "нечистой силе", с помощью которой гоголевский Вакула летал в царские палаты за черевичками для Оксаны?

Обычно Вис Лот игнорировал детали, грозящие увести в сторону его динамичное повествование.

– То и другое, Сос Тот, – на этот раз снизошел он до ответа. – Удовлетворены? А теперь, дружище, пойдите посидите за дверью. Через часок-другой можете вернуться, если эта обжорка еще не будет закрыта к тому времени. Только, чур, не подслушивать в замочную скважину...

О том, что два столетия назад стартовал "Мезон", вы наверняка читали в учебнике по истории космонавтики, – продолжал он, когда, повинувшись его настоянию, несчастный изгой покинул свое насиженное место в излюбленном ресторане. – В списке его экипажа значится и мое имя... Два столетия, – нерешительно повторил, словно не веря

собственным словам. – Однако, благодаря парадоксу времени, – тут его голос снова окреп, – о котором догадывался еще старик Эйнштейн, мы постарели всего лет на двадцать-двадцать пять, не более. Нам удалось побывать на многих, не похожих одна на другую планетах; десятка два из них оказались обитаемыми, некоторые – даже разумными существами, достигшими известных успехов в технологическом отношении.

Когда программа исследований (она представляла собой внушительный перечень догадок и предположений, которые нужно было проверить в условиях космического полета, столь протяженного во времени и пространстве, как наш) была исчерпана, мы повернули обратно. Торопясь домой – должно быть, ностальгия, тоска по родному очагу лишила нас благоразумия, – мы выжимали из "Мезона" все, что можно было выжать. И даже больше: путем чудовищного расходования топлива нам иногда удавалось разгонять космолет до существующего в природе предела – скорости света. Это было легкомысленно, хотя и предусматривалось программой.

Запасы горючего между тем таяли. И катастрофически быстрее, чем мы предполагали. Реактор все реже выплескивал фотоны...

Наступил момент, когда тяга окончательно заглохла... И если мы еще как-то двигались, то исключительно за счет инерции, которая постепенно угасала. Вскоре корабль неподвижно повис в пространстве, не дотянув до упомянутой планеты каких-нибудь десять-пятнадцать миллионов километров. Сущие пустяки, верно?.. Но мы ничего не могли поделать... Даже – воспользоваться радиостанцией, чтобы попросить о помощи, поскольку не имели лишней электроэнергии: какие-то крохи вырабатывали фотоэлементы, но их едва хватало для обогрева центральной рубки, где мы спасались от холода, завладевшего всеми остальными отсеками. Единственное, что нам оставалось, – это пассивное ожидание. Ожидание случайной встречи... которая может состояться слишком поздно.

И встреча состоялась.

Однажды, после трех-четырёх недель прозябания, мы заметили нечто величиной с булавочную головку. Это нечто заметно перемещалось, и потому как оно росло в размерах, нетрудно было догадаться – в какую сторону. Спустя месяц – столь ничтожной была ее скорость – булавочная головка превратилась в искусственное тело, представлявшее собой исполинскую лейку по форме и космический корабль по содержанию.

Аппарат слегка светился. Было высказано предположение, что это явление происходит в результате столкновения частичек пыли вещества с антивеществом, из которого состоит обшивка инопланетянского звездолета. Консервная банка, которую мы выбросили несколько дней назад и которая тотчас аннигилировала, едва она прикоснулась к чужаку, подтвердила нашу догадку.

От такого гостя лучше держаться подальше. Впрочем, и ему от нас – тоже. Однако, судя по всему, он этого не понимал... Вы догадываетесь, что я хочу сказать?.. Да-да, он двигался прямо на нас, и это здорово действовало нам на нервы...

Прошло еще некоторое время.

Инопланетянский корабль все приближался; в то, что он пройдет мимо, уже никто из нас не верил, похоже, нам с консервной банкой была уготована Провидением одна и та же участь.

Тогда, рискуя окоченеть от холода, мы отключили отопление, настроили радиостанцию и с помощью кослинга – кибернетического толмача при контактах – обратились к пришельцам. Те тотчас отозвались. Они сказали, что им известно о возможном столкновении аппаратов, равно как и о том, чем это грозит, но воспрепятствовать они не могут, поскольку находятся в положении, аналогичном нашему.

На этом первый сеанс с антимирянами завершился.

Тут рассказчик сделал паузу, и довольно продолжительную. Он потребовал новую порцию горячих сосисок. Официантка долго ждать себя не заставила.

Слушатели последовали его примеру; звон ампул, ножей и вилок свидетельствовали о том, что и они не теряли даром времени. Однако, в отличие от своих сотрапезников, Вис Лот довольствовался чаем, который, к слову сказать, он поглощал в большом количестве.

В конце концов сосиски были съедены, чай выпит, а навигатор все молчал. Публика заволновалась.

– Вис, вы язык проглотили, что ли? – осведомилось несколько голосов одновременно.

– Может быть, – нелюбезно бросил навигатор, затем поднялся со стула и в развалку, как подобает истинному космическому волку, направился к выходу.

Завсегдатаи ресторана "Волосы Вероники" еще больше всполошились. Также повскакивали с мест.

– Мы вас проводим, Вис, – заявили они хором, дружно устремляясь за звездопроходцем. – Можете по дороге досказать свою историю, если торопитесь по неотложному делу...

– Будьте благоразумны, ребята, – сказал Вис Лот, останавливаясь и укоризненно качая головой. – Я только приглашу изгоя... Сос Тот, – позвал он, распахнув дверь. – Вы еще здесь, дружище? Прошу тысячу извинений... Заходите. В другой раз я буду гнать взащей это почтенное общество, – кивнул он в сторону зала. – Оно породило вас и на этом основании должно нести ответственность за ваши дурные поступки.

– Итак, – продолжал он, – пространство, лежащее между нашим и антимирянским звездолетами, медленно, но неотвратно сокращалось. В конце концов нам стало ясно, что столкновения избежать не удастся. До гибели оставалось каких-нибудь сотни полторы метров. Через неделю, а

то раньше, все будет кончено... Как все-таки тесен космос, если два мира, существующие на его полюсах, не могут сделать и шагу, чтобы не наступить друг другу на пятки!.. Но мы не сошли с ума; по-видимому, нас спасло от помешательства шоковое состояние или легкомыслие.

Наверняка то же самое происходило и с теми, что находились по ту сторону этих роковых метров. Мы снова связались. На этот раз воспользовались видеофоном: прежде чем превратиться в излучение, нам хотелось увидеть, как выглядят наши партнеры по несчастью... Но сперва на меня посмотрите, – с этими словами он вышел из-за стола и потоптался на одном месте, держась за спинку стула. Затем снова сел. – Вот так примерно выглядели антимирияне, которые предстали перед нашими зорами. Я сказал "примерно", потому что они не были моими двойниками.

Мы долго молчали, изучая друг друга. Потом один из антимирян приблизился к экрану.

– Я капитан, – представился он. – Позвольте мне поговорить с коллегой вашей стороны?

– Я вас слушаю, – отозвался Ум Сил, наш капитан, и помахал рукой, чтобы обратить на себя внимание.

Командир антимирянского звездолета не терял даром времени.

– Надежды, что наши корабли разминутся сами собой, больше не существует, – сообщил он бесстрастно, словно судья приговор осужденному на смерть.

– Это очевидно.

– Стало быть, только вмешательство может предотвратить катастрофу.

– И это очевидно, – повторил Ум Сил и безнадежно развел руками. – Вам не кажется, что мы переливаем из пустого в порожнее?..

Но капитан антимирянского звездолета думал иначе.

– Не кажется, – возразил он. – Выше голову, коллега. В качестве топлива для наших кораблей может сойти все, что угодно... даже, – его глаза впелись в Ум Сила, – даже плоть членов наших экипажей...

– О чем вы?.. – не сразу понял Ум Сил. – Но это... жестоко... и бесчеловечно! – решительно запротестовал он, когда до его сознания дошел смысл сказанного антимирянцем.

Однако руководитель инопланетянского экипажа был неумолим.

– Это единственный выход из создавшейся ситуации, – объяснил он ледяным голосом. – Приняв мое предложение, вы потеряете девятую часть экипажа, отвергнув его, – полностью. Кстати, – продолжал он, – в качестве одного из компонентов топлива я предлагаю себя, вы, коллега, составите мне компанию. Итак, до встречи в аннигиляционной камере вашего звездолета... Почему – вашего? Хотя бы потому, – сказал он в заключение, что я располагаю скафандром, противаннигиляционная защита которого позволит мне осуществить упомянутую акцию. Ведь у

вас, если мы правильно информированы, подобного снаряжения не имеется?..

Вис Лот снова помолчал. На этот раз он не заказывал сосисок, будучи противником всяческих излишеств. Всему виной была повидавшая виды деревянная трубка, которую навигатор извлек откуда-то из-за пазухи и начал сосредоточенно ее раскуривать.

Наконец трубка зачатила.

– Капитан с инопланетянского летательного аппарата явился на "Мезон" только через трое условных суток. К тому времени расстояние между кораблями сократилось до нескольких метров; не приди он вовремя, всем нам была бы крышка...

Космонавты с Церы обнаружили нас спустя три месяца. Корабли – наш и антимирянский – получили топливо и – дай бог ноги... Так рады были встрече, что позабыли попрощаться друг с другом... при расставании.

Так мы потеряли нашего славного Ум Сила...

– Я выражаю вам наши запоздалые соболезнования, – посочувствовал Сос Тот. – И заодно – поздравляю. Или вы уже поздравили себя?

Вис Лот озадаченно посмотрел на Сос Тота.

– С чем я должен был себя поздравить? – уточнил он.

– Хотя бы с тем, что в драматический момент своей жизни вы оказались всего лишь навигатором.

Вис Лот еще раз раскурил погасшую трубку.

– Мне эта мысль не приходила тогда в голову, – сказал он, затягиваясь дымом. – Участь Ум Сила вызывала у меня не сочувствие, как вы подумали, Сос Тот, а зависть. Да-да, обыкновенную человеческую зависть. Больше того – я был бы самым счастливым существом во Вселенной, если бы... оказался на месте своего шефа: капитаном с антимирянского звездолета была... ошеломляюще красивая женщина, чьи объятия, подобные вспышке сверхновой, стоили жизни здорового молодого мужчины, каким я был в ту пору...

Духовная пища

– Несмотря на то, что вы постоянно что-нибудь жуеете, – сказал однажды Вис Лот нахлебникам ресторанчика "Волосы Вероники" между двумя порциями сосисок, – но, судя по вашим голодным лицам, вы никогда не бываете сыты. Ваша ненасытность предосудительна, хотя она и носит, так сказать, духовный характер. Впрочем, понять вас можно. – Он помолчал. – Этим пороком обладает и остальная часть человеческого рода. Едва появився на свет божий, мы тотчас начинаем заполнять вакуум, царящий в желудке и черепной коробке. Желудок мы набиваем в первые дни своего существования. Что же касается черепной коробки, то тут дело обстоит значительно сложнее... Словом, стремление к знаниям – попытка достичь известного равновесия между

черепной коробкой и желудком. Это удастся нам в конце жизни. И то далеко не каждому.

Как говорится, не хлебом единым жив человек. Однако жив он, прежде всего хлебом.

Так уж устроен человек.

И не только человек: большинство инопланетян, с которыми мне довелось столкнуться, также нуждаются в продуктах питания, хотя их продукты питания не всегда, годятся нам в пищу. Судите сами: одни всем деликатесам в нашем понимании предпочитают неаппетитную бурую массу, из которой мы изготавливаем абразивные инструменты, а самым изысканным винам – царскую водку, другие питаются мясом солнечных зайчиков, запивая тем, что зачерпнут из Моря Дирака... Но это присказка, сказка будет впереди. – Он снова помолчал. – Сегодня речь пойдет об обитателях одной из планет Лямбда Стрелы – разумных существах, которых вы напоминаете мне своей патологической жадностью ко всякого рода информации. Лямбдяне или духовники, как я буду именовать их в дальнейшем...

– В древности духовниками называли попов... – заметил неумный Сос Тот и осекся, с некоторым опозданием осознав свою оплошность. – Простите, Вис Лот...

Но навигатор был неумолим.

– Ребята! – рявкнул он, ударив кулаком по столу. – Оставьте нас наедине с Сос Тотом. – Завсегдатаи безропотно повиновались. – Таков уговор. Да поживее. Пока я причаливаю к другому берегу своей истории, вы успеете, стоя за дверью, выработать педагогическую систему, которая поможет вам укротить это глубоко антиобщественное чудовище. А заодно – познакомиться с трудами Макаренко и... этого... как его? Ну того, кто из каждого крестьянина умел делать гения...

– Песталоцци, – подсказал кто-то.

– Желаю успехов... Так вот, – продолжал Вис Лот. – Эти самые духовники страсть как охочи до информации. Но им это простительно. Потому что для духовников духовные интересы являются духовными интересами и... хлебом насущным одновременно. Вы не ослышались, Тот, а я не оговорился: лямбдяне действительно не нуждаются ни в какой другой пище, кроме духовной. И я бы не сказал, что это пошло им на пользу: они настолько немощны, бесплотны, что мумия фараона, извлеченная из гробницы четыре тысячи лет спустя после похорон, рядом с ними показалась бы розовым, откормленным на убой поросенком.

Такой же худосочной и анемичной была и их цивилизация. Впрочем, – объяснил он, – в свое время она поднималась до высочайшего технологического уровня. Особенно в тот исторический период, когда к ней испытывало устойчивый интерес сразу несколько инопланетных цивилизаций. Затем внезапно наступила полоса упадка,

продолжавшаяся многие миллионы лет, вплоть до посещения "Мезона". Все началось с информационной блокады, которая явилась следствием какого-то политического конфликта. Все это время духовники владели жалкое существование, питаясь воспоминаниями о былом величии и теми крохами информации, что они способны были выжать из своей угасающей цивилизации. А больше всего – сновидениями и бредовыми кошмарами, так как три четверти суточного времени они проводили в спячке, похожей на агонию.

– Планета, на которой обитали духовники, – говорил Вис Лот, глядя на своего единственного слушателя, – привлекла наше внимание противоречивой характеристикой; масса ее была сравнительно невелика – это позволяло отнести ее к планетам земного типа, – между тем как по объему она не уступала даже Юпитеру. Чем объяснить, рассуждали мы, столь поразительные контрасты? Может быть, мы имеем дело не с планетой, а с пылевым облаком – остатками праматерии, из которой некогда образовалась эта область Вселенной? Или перед нами грандиозное искусственное тело, у коего вместо плотного ядра царит вакуум? Третьи высказывались за губчатую, вафельную, ячеистую и еще бог весть какую природу вещества, слагавшего необъятные недра планеты.

В действительности же планета представляла собой исполинскую каплю воды, на поверхности которой плавало несколько десятков разной величины материков и архипелагов. Суша состояла из какой-то серой пенообразной массы, похожей на пемзу, но еще более легкой и пористой.

Благодаря теплоте и влажному климату жизнь на планете была ключом. Исследуя окрестности своего финиша, мы то и дело сталкивались с разнообразными животными, столь же диких, как и сама планета. Особенно богатой была зелень: она росла не только на суше, но и прямо на водной поверхности, образуя причудливые зыбкие острова и целые архипелаги. Позднее, когда поближе сошлись с духовниками, мы подивились тому, как они могут жить среди такого изобилия и питаться святым духом, в лучшем случае – довольствоваться воздухом: газовый обмен – это была единственная ниточка, что связывала разумных обитателей планеты с материальной природой.

Делая рекогносцировочный облет вокруг планеты, мы обратили внимание на огромные прозрачные шары, что оказались населенными пунктами или городами; они были связаны между собой такими же прозрачными трубами, которые служили средствами информационного сообщения.

Города духовников не отличались один от другого, за исключением лишь тех, в коих были сосредоточены мастерские и заводы, производящие информационную аппаратуру, и центры самой информации – помещения для интеллектуальных упражнений (занятия живописью, литературой, математикой и прочее); для общения

(соревнования в придумывании идей, чудовищных образов и эксцентрических ситуаций); для развлекательных мероприятий (головокружительные аттракционы, разнообразные игры) и, разумеется, для приема пищи... извиняюсь – информации, которая поступала из Центра на всех диапазонах электромагнитных излучений и частот: духовники воспринимали звуки и изображения в спектрах и колебаниях, находящихся далеко за пределами видимого и слышимого нами.

Для посадки "Мезона" мы облюбовали обширное ровное плато неподалеку от одного из шаров. Развернув звездолет зеркалом вниз, я резко убавил подачу смеси в аннигиляционную камеру. Поверхность планеты стремительно понеслась нам навстречу. Затем запустил тормозной комплекс, работающий на реактивной тяге. Вскоре последовал мягкий толчок, что возвестил о нашем благополучном "приземлении". Покончив с посадочными маневрами, я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, чтобы прийти в себя от только что пережитого нервного напряжения.

– Судя по всему, отдохнуть нам сегодня не удастся, – вздохнул Ум Сил (случилось это до злополучной встречи с антимирянами, и наш капитан еще здравствовал), и я тотчас вынырнул из нирваны, в которую успел погрузиться с головой, засыпая.

– Неужто аборигены уже прибыли?.. – поднялся я, прогоняя одолевавшую меня дремоту.

– Прилетели, – поправил шеф.

– На чем? – осведомился я и заглянул в иллюминатор.

– Я бы тоже хотел это знать... – посетовал Ум Сил. Однако по ту сторону иллюминатора я ничего не увидел.

– Вы не туда смотрите... Они еще в воздухе...

Я снова прилип к стеклу. На этот раз мне повезло больше... – Вис Лот извлек из внутреннего кармана пиджака трубку и, предвкушая удовольствие, непонятное для Тота, долго набивал ее табаком, что хранил в цилиндрической табакерке, раскурил. – Я уже говорил вам о физических достоинствах духовников... Добавлю только: я не из робкого десятка, Сос Тот, однако мне стало не по себе, когда увидел существ, похожих на призраков или клочья тумана; полупрозрачные одежды, в которые они были завернуты, лишь подчеркивали их невообразимую худобу.

– Ни крыльев, ни летательных приспособлений при них нет, а маневрируют в аэродинамической среде не хуже чем птицы, – высказал я свое удивление. – Интересно, как это им удается?..

– Я бы тоже хотел это знать... – снова посетовал Ум Сил.

Позднее, когда этот вопрос был задан самим духовникам, мы также не получили сколько-нибудь вразумительного ответа. Они долго и путано говорили о господстве психики над плотью, о каких-то силовых

началах мысли, – словом, о неких физиологических тенденциях, которые якобы выработались в их организме в процессе длительного отказа от пищи, имеющей вещественное происхождение. Другими словами, способность безаппаратного полета они обрели благодаря утрате равновесия, достигаемого нами, как я говорил вначале, при помощи плотно набитого желудка.

Покружив над "Мезоном", – рассказывал далее навигатор, – духовники приблизились к лобовому стеклу и неподвижно застыли в воздухе; этот жест мы истолковали как свидетельство почтительности и доверия.

Нам следовало ответить тем же.

– Жар Свет и Вис Лот, – распорядился Ум Сил, – приготовиться к выходу... Кстати, Муз Пел, – обратился он к биологу, – вы интересовались показаниями оксигенометра (речь идет о приборе, дающем представление о составе атмосферы исследуемого мира)?

– Да. Они весьма многообещающи. Впрочем, судите сами: кислорода 23 процента, азота – 70, остальное приходится на долю других компонентов, составляющих...

– Спасибо, – остановил биолога Ум Сил.

Через минуту мы с Жар Светом стояли на крошечной площадке, в которую преобразовался лазерный люк, откинута́й наружу.

К нам тотчас приблизился один из духовников.

– Пришельцы, мы приветствуем вас на Каевале, – сказал он, пожирая нас глазами.

Мы переглянулись.

– Вы что-нибудь слышали? – спросил у меня Жар Свет.

– Слышать вроде бы ничего не слышал, – начал я. – Но... мне показалось...

Жар Свет, прочищая легкие, с шумом дышал воздухом чужого удивительного мира.

– Похоже, – подытожил он, – нам не понадобится эта шарманка, – кивнул он на кослинг, что болтался у него на плече. – Мы имеем дело с телепатами...

– Стало быть, – добавил я, – одной проблемой меньше.

Каевалец догадливо кивнул головой.

– Разрешите проводить вас в ближайший Центр Информации? – предложил он посредством телепатии.

Прежде чем мы выразили свое согласие, духовники подхватили нас под руки и понесли в сторону ближайшего шара. И, надо сказать, столь стремительно, что в ушах оглушительно загудел ветер.

Я не чужд иррационального духа народных сказок, персонажи которых летают на метлах и на коврах-самолетах, а то и вовсе без оных, подобно нашим гостеприимным хозяевам, однако, попав в аналогичную ситуацию, был далеко не в восторге: все мое существо, просмоленное

здравым смыслом, руками и ногами протестовало против вторжения сказки в действительность. К счастью, наше фантастическое путешествие было недолгим.

Центр Информации представлял собой двойной шар диаметром около шести-семи сот метров: первый состоял из неизвестного прозрачного материала, второй – из хитроумной аппаратуры, предназначенной для приема и передачи информации. Внутри была видна звездообразная площадка, что опиралась на внутренние стенки шестью усеченными лучами; она делила это архитектурное сооружение на две равные половины. Сюда-то и доставили нас воздушные рикши.

Оказавшись на собственных ногах, я почувствовал себя увереннее. И уж совсем успокоился, когда прилег на один из пушистых валиков, которые были предложены нам в качестве сидений. Сами духовники довольствовались тем, что неподвижно повисли в воздухе в полуметре от пола.

Затем началось угощение. Разумеется, в духе наших гостеприимных хозяев.

Я бывалый человек, Сос Тот, немало повидал на своем космическом веку, но с такой мощной атакой информации сталкиваться мне не доводилось. И вот что особенно странно: в конце концов я был сыт по горло, и меня начало тошнить от излишеств, тогда я зажмурил глаза, наглухо заткнул уши, надеясь таким образом оградить себя от дальнейшего вторжения духовной пищи. Но это ни к чему не привело: она продолжала проникать в меня через какие-то неведомые каналы. Иначе говоря, оттого, что я закрыл глаза и заткнул уши, цветное и объемное изображение не стало менее цветным и объемным, а звуковое сопровождение – менее звучным. Речь идет о нескончаемой веренице миниатюрных вещей немного познавательного, немного развлекательного характера.

Когда поток этот иссяк, знакомый духовник, который назвался не то Камелесом, не то Калемесом, попросил меня рассказать нечто подобное. Почему меня, а не Жар Света, я выяснять не стал. Возможно, он решил, что я более болт... разговорчив, что достаточно потянуть меня за язык... Так или иначе, но я согласился, правда, на этот раз без особого энтузиазма. И меня легко понять: вы же знаете, Тот, что я охотно разглагольствую только на полный желудок или во время наполнения оного. Я соврал десяток-другой анекдотов и даже сказку про белого быка...

Затаив дыхание и трогательно раскрыв рты, духовники жадно ловили каждое мое слово и, казалось, испытывали при этом высочайшее блаженство: их глаза вспыхивали алчным огоньком, тонкие губы вздрагивали, а бесплотные лица обретали почти нормальную окраску. Я еще не подозревал о их кулинарном отношении к информации и умение слушать приписывал утонченному эстетическому восприятию.

Словом, после столь продолжительного поста духовники пировали вовсю. Я для них был поваром и официантом одновременно. Не знаю, как официант, но повар из меня вышел никудышный: блюда, которые я готовил, были крайне невысокого качества. Я понял это лишь тогда, когда мои доверчивые гурманы начали корчиться и извиваться от боли, причинявшей им, судя по всему, жесточайшие страдания.

Вис Лот помолчал, раскуривая трубку. Затем продолжал:

– Я, разумеется, тотчас заткнулся. Однако оттого, что я перестал трепаться, духовникам лучше не стало: человеческая речь для телепатов роли никакой не играет или почти не играет. Они усваивали не только то, что было заключено в моих словах, но и то, о чем я думал. А думал я вот о чем: как бы поплотнее набить желудок, заодно и пропустить стаканчик-другой спирта, являющегося для духовников... эквивалентом сильнодействующего яда.

– Значит, вы оказались убийцей целой цивилизации?! – ахнул Сос Тот. – Ведь слушали не только встречавшие вас...

– Мог бы оказаться, – поправил навигатор, – если бы духовники были смертными.

– Понимаю.

Вис Лот поднял вверх брови.

– Что вам понятно, Тот?

– То, откуда у вас презрение к спиртному...

Планета-однодневка

– Послушайте, девушка, – обратился Вис Лот к официантке, стуча вилкой по порожней тарелке. – Почему я не вижу сосисок?

– Вы их не заказывали, Вис.

– Разве? Тогда пошевеливайтесь...

– Сейчас синтез... то есть... состряпкаю.

– Не состряпкаю, а состряпаю.

– Пусть будет по-вашему.

– Не по-моему, а по-русски. Разве сосиски делают не на заводе из добротного телячьего мяса? – осведомился бывалый навигатор после некоторого раздумия.

Девушка смущенно пожала плечами, но ничего не сказала. Завсегдатай за соседним столиком вызывающе ухмыльнулся. Вис Лот это заметил.

– Вы хотите что-то сказать, приятель? – спросил он.

– Пожалуй, – пообещал мужчина с соседнего столика.

– Я вас слушаю.

– Ваши сосиски синтезируются поварским агрегатом, как и все остальное, что предлагают гостям в этом милом ресторанчике, – объяснил соседний столик.

– Вот как?!

– Вы разве не знали? А я полагал, что вам это известно, только делаете вид, что ни о чем не подозреваете. Вы разочарованы? Не стоит. Синтетические сосиски ничем не отличаются от того натурального продукта, который они заменили.

Вис Лот помолчал, обдумывая слова собеседника.

– По-видимому, вы правы, – согласился он, – если до сих пор я не обнаружил подвоха.

– Вот ваше лакомство, Вис. – Девушка поставила на стол порцию аппетитно пахнущих сосисок, которые самый взыскательный гурман не заподозрил бы в подделке; по внешнему виду и вкусу они совершенно не уступали натуральным.

– Любопытно, что вы используете в качестве исходного сырья для приготовления пищи? – поинтересовался навигатор у официантки.

– Все, что имеет отношение к органике.

– И даже телячье филе?

– Разумеется.

– Тогда приготовьте мне порцию сосисок из натурального телячьего филе, пожалуйста.

– Последнее крупнорогатое животное, – снова принялся объяснять завсегдатай, сидящий за соседним столиком, – исчезло еще в начале прошлого столетия...

– В начале прошлого столетия? – живо переспросил Сос Тот. – В таком случае это животное мы в два счета оттуда выудим, – пообещал он. – Чего не сделаешь ради нашего уважаемого Виса... Это в пределах действия моей межвременной туннели...

Вис Лот вздрогнул, услышав заявление Сос Тота.

– Если я правильно вас понял, Сос Тот, – уточнил он, – речь идет о машине времени?

– Пожалуйста, называйте мое изобретение машиной времени, Вис, если вам угодно...

– Мне угодно, чтобы вы продолжали...

– Что продолжал? Изобретать или говорить?

– Говорить.

– С удовольствием, – довольно улыбнулся Сос Тот. – Хвалиться пока нечем – два столетия в будущее, столько же в прошлое... Впрочем, и первые автомобили были с паровой тягой и с велосипедными спицами... Но, если вы заинтересовались современными достижениями в этой области, чтобы попасть в свое время, то я мог бы...

Вис Лот нахмурился, сдвинув мохнатые, еще довольно черные брови.

– Конечно, было бы недурно вернуться в свою эпоху, – признался он. – Ну, скажем, спустя несколько лет после старта... Нет-нет, это совершенно невозможно...

– Я думаю иначе, – возразил Сос Тот.

Вис Лот еще более грозно сдвинул брови.

– Я недостаточно ясно выразился, а вы, Сос Тот, недостаточно правильно меня поняли, – сказал он ровным внушительным голосом. – В том, чтобы влезть в чужое время, действительно нет ничего невозможного; невозможно из него выбраться, – подчеркнул он. – Вот в чем дело.

– Это зависит исключительно от того, какую нажмешь кнопку...

– Вы так говорите, Тот, – предположил старый навигатор, – точно совершить путешествие во времени для вас – плевое дело?

– Нет, сам я таких путешествий пока не совершал... но... чтобы доставить вам удовольствие...

– Удовольствие!.. – вдруг взъярился космический волк. – Уж лучше я стану каннибалом и буду жрать сосиски из вашего мяса, чем позволю вам воспользоваться дьявольским изобретением... против которого отныне я поведу самую решительную кампанию!

Сос Тот озадаченно пожал плечами.

– Может быть, объясните, Вис, – попросил он, – за что вы так ополчились против моих исследований?

– Может быть, – нелюбезно бросил Вис Лот. – Девушка, – позвал он официантку. – "Состряпайте"-ка мне еще порцию.

– Пожалуйста.

– Вам, наверное, доводилось слышать о бабочках-однодневках или эфемерах, что одно и то же, которые будто бы в течении одного-единственного дня ухитряются родиться, справить брачный ритуал, оставить потомство и умереть, – продолжал Вис Лот. – Я тоже слышал о них, но не более того, – подчеркнул он. – А вот о планете-однодневке я знаю далеко не понаслышке... – Немного помолчал, иронически рассматривая своих сотрапезников; когда же очередь дошла до Сос Тота, к его иронии прибавилась изрядная толика озабоченности. – Да-да, эта странная планета имеет самое непосредственное отношение к нашему разговору. Впрочем, речь пойдет не столько о путешествиях во времени, сколько о их трагических последствиях. Да, кстати, Тот, ваш туннель тоже действует по принципу маятника, стрела которого попеременно уходит то в далекое прошлое, то в столь же далекое прошлое?

– Верно, Вис! – воскликнул изобретатель временной туннели. – Но объясните, пожалуйста, что значит "тоже действует..."?

– Только то, Тот, что по недомыслию одного идиота, как вы, и возникла в одном из созвездий планета-однодневка. Вернее – нормальная превратилась в таковую, и ничем ей теперь не поможешь...

Вис Лот снова помолчал. На этот раз он расправлялся с очередной порцией сосисок.

– Планету, о коей идет речь, мы обнаружили совершенно случайно, – говорил он далее. – Дело было так.

Едва "Мезон" вынырнул из люкасовой гармошки (то есть из межзвездного пространства, искривленного электромагнитными полями и названного по имени ученого, который первым заподозрил о его существовании), один из астрофизиков завопил голосом колумбового матроса:

– Вижу планету! Вижу планету!

Послали на разведку радиоуправляемую автоматическую лабораторию. Параметры температуры, гравитации, пропорций воздуха оказались сходными с земными. С помощью оптического телескопа мы увидели пышную зелень лесов, зеркальную гладь водоемов и... каменную геометрию огромного города – свидетельства несомненного продукта разумной деятельности. Всего этого было больше чем достаточно для того, чтобы мотивировать посадку звездолета.

Когда припланетились, Прочион, который там исполнял роль светила (разумеется, тот самый, что находится в одном из собачьих созвездий), на две трети диска уже спрятался за линией западного горизонта. Вскоре он и вовсе исчез. Тотчас наступила ночь – тихая, как проксиманские болота, и темная, точно ваши дела, Сос Тот. Потому что спутников планета не имела, а другая звезда Малого Пса – всего лишь крупная звезда, что бы там ни утверждали земные звездочеты. Вы следите за моей мыслью, ребята? Я далеко не случайно и вовсе не ради красного словца столь подробно остановился на закате Прочиона и на последовавшей за ним кромешной темени.

Врут авторы научно-фантастических романов, когда пишут о космонавтах, будто те тотчас валяются в постели, чтобы проспать двое-трое суток кряду, едва закончат финишные маневры. Во всяком случае с нами этого не произошло. Посадка на неведомую планету – всегда волнующее событие. Тем более, если планета обитаема разумными существами.

Поставив на прикол машину, мы с Ум Силом и моим помощником отправились в салон. Все были возбуждены сверх всякой меры, обсуждали перспективы исследований новой планеты и грядущие встречи с ее обитателями. Мы присоединились к дебатам, и температура в помещении значительно повысилась.

Первыми, как водится, разошлись по каютам те, кому меньше всего досталось при финише.

– Кур Нал вам ничего не говорил? – шепнул мне на ухо Ум Сил, когда я намеривался последовать примеру товарищей.

– Нет, – насторожился я. – Что-нибудь случилось?

– Похоже. Кур Нал здорово встревожен... Поднимаемся в астрономический, там узнаем, в чем дело...

Физики, надо полагать, все были в сборе.

– Мы столкнулись с чрезвычайно любопытным явлением! – встретил нас Кур Нал. – И клянусь натуральной сосиской, священной которой

нет для меня ничего на свете, – в его голосе я не услышал ни единой нотки тревоги: – если мне удастся постичь его природу, то запечные сверчки, то есть мои коллеги на Земле, задушат меня от зависти!.. Ради этого стоило переться на край космоса!..

– Ради того, чтобы вас задушили? – уточнил Ум Сил. – Что собственно случилось?

Кур Нал молодо блеснул глазами.

– Небесное тело, на которое мы только что припланетились, внезапно перестало наблюдаться в оптическом диапазоне, то есть не стало быть видимым ни вооруженно, ни визуально... – торжественно заявил он.

– А как насчет массы, объема, магнитного поля, гравитации, плотности?.. – деловито осведомился начальник экспедиции.

– Относительно объема пока ничего неизвестно, – последовал ответ. – Что же касается других физических параметров, то они остались неизменными...

От сообщения руководителя группы астрофизиков минимум на полкосмоса разило мистификацией; однако, прежде чем сказать об этом Кур Налу, я заглянул в иллюминатор. И в самом деле: вместо темного диска планеты, оконтуренного звездами, я увидел Прочион. Да-да, тот самый Прочион, который только что закатился!..

– Идем в рубку, – сказал мне шеф, направляясь к выходу. – Нам следует быть готовыми к очередному превращению планеты-оборотня, если не можем предугадать того, что она выкинет в следующую минуту... А вы, – повернулся он к физикам, – продолжайте наблюдения.

В течении ближайших двух-трех часов с загадочным небесным телом ничего заметного не происходило. Затем картина внезапно изменилась: Прочион затуманился, звезды, что находились по ту сторону планеты, начали одна за другой меркнуть, и в первую очередь в том месте, где, по моему мнению, располагалось ядро невидимки.

– Планета опять появилась, – доложил Кур Нал через переговорное устройство. – Строго говоря, "появилось" не то слово, поскольку она никуда не исчезала, просто становилась прозрачной, только и всего... Судя по всему, мы столкнулись с планетой переменной плотности. Другими словами, это небесное тело имеет тенденцию периодически возвращаться к состоянию того первичного облака, из коего оно когда-то образовалось. Столь разреженного облака, что сквозь него свободно проникает электромагнитное излучение в оптическом диапазоне. Следует заметить, что с подобным феноменом наука сталкивается впервые...

– Благодарю за информацию, – остановил Кур Нала Ум Сил.

– Имейте в виду, – предупредил астрофизик, привыкший к бестактности начальника экспедиции, – в моих соображениях присутствует изрядная толика от гипотезы.

– Что вы намерены делать?

- Продолжать наблюдения.
- Вы полагаете, что оборотень еще не угомонился?
- Цикл только что начался...
- Вы уверены, что все это происходит на самом деле? Может быть, мы оказались жертвами какого-то грандиозного оптического обмана, и в вашей теории значительно больше от гипотезы, чем вы думаете?
- Это можно проверить.
- Каким образом?
- Распорядитесь включить наружный прожектор: если роша, неподалеку от которой мы совершили посадку, окажется на месте, то мою теорию, как вы выразились, будем считать несостоятельной.
- Согласен.
- Роши не было...
- Вис Лот помолчал, раскуривая трубку.
- Кур Нал был прав, – продолжал он, теряясь в облаке табачного дыма. – Но, как потом выяснилось, прав был наполовину. Об этом вы узнаете в свой черед. Этот апостол науки – я не припомню другого человека, для которого наука столь много значила, – настоял на том, чтобы немедленно была снаряжена экспериментальная экспедиция, как он выразился. Его идею поддержали лаборант и один из кинооператоров. Всю эту братию, вооруженную различными инструментами, аппаратурой и мощными фонарями, я вызвался доставить на то место, где, по нашим предположениям, находился город, который мы видели во время финиша.
- Вначале наш путь лежал по сплошным сугробам пыли, напоминающей молотый шлак. Потом титановые гусеницы вездехода застучали по твердому грунту, изрезанному вдоль и поперек ветвящимися трещинами, движение по которым было далеко не безопасным.
- Я сбросил скорость. И вовремя: иначе мы непременно сыграли бы в расселину, что внезапно возникла в пяточке света. Пришлось остановить машину и вылезти наружу, чтобы обследовать местность. Светя фонарем себе под ноги, я двинулся вдоль обрыва. Почва была твердой, как камень, и, точно мох, податливой одновременно; она на глазах меняла окраску, выскальзывала из-под ног, словно я шел по исполинскому животному, под шкурой которого упругими челноками ходили могучие мышцы. Справа, метрах в семидесяти от вездехода, расселина сошла в обычную трещину. Вернувшись к транспорту, я еще раз взглянул на задержавшую нас помеху, но там уже ничего не было...
- Дьявольщина!.. – выругался я, забираясь в кабину.
- Что с вами, Вис Лот? – осведомился Кур Нал.
- Не могу привыкнуть к фокусам этой дурацкой планеты, – объяснил я. – Только что была расселина, на дно которой взглянуть жутко...

Теперь на ее месте возвышается холмик с рощицей каких-то чахлах деревьев...

Двинулись дальше. Минут десять добросовестно утюжили убогие заросли. Затем под гусеницами захрустела галька.

– Мы почти у цели, – сообщил Кур Нал, пристально глядя в ветровое стекло. – Это наверняка та самая река, которую я хорошо рассмотрел в момент посадки. На противоположном берегу был город. Был, – повторил он внушительно. – Пока его нет, разумеется...

Но вышло наоборот: реки не было, а город мы увидели тотчас, едва вскарабкались на берег. Вернее – его развалины. А точнее – его прах: то, что не успело обратиться в таковой, рассыпалось от сотрясения почвы, когда мы проезжали мимо...

Космонавты, по-настоящему понюхавшие космос, привыкли иметь дело с крайностями относительно инопланетных цивилизаций: либо на облюбованной планете исследователи находят останки угасшей технологии, как в данном случае, либо она вовсе отсутствует. Середина встречается крайне редко. Последнее рассматривается, как малонаучный инцидент, относящийся к области исключительного везения.

Я космонавт, и меня устраивала любая из приведенных крайностей. Впрочем, смирился бы я и с серединой. Однако не таков был Кур Нал: ему подавай только то, что следовало из его наспех состряпанной концепции, крушение которой этого матерого ученого унизило до детского лепета.

– Э-э-э... М-м-м... – промычал он в сильнейшем потрясении, когда действительность разрушила его научное построение.

Но этот большой ребенок обладал интеллектом гения, и он тут же из обломков не выдержавшей собственной тяжести теории соорудил новую, еще более тяжеловесную и безумную.

– Как ни прискорбно для здравомыслящего ученого, – посетовал он, – но я вынужден допустить, что время в этом мире повернуло вспять, и эволюция начала двигаться в обратном направлении, то есть инволюционировать. Все говорит за то... Или я сам спятил...

Пыльное мрачное ущелье, которое назвать улицей можно было лишь с большой натяжкой, привело нас на широкое открытое место, что, несомненно, некогда называлось площадью.

В этом районе города архитектурные сооружения выглядели значительно лучше, – наверное, были сработаны из более долговечного материала. Возможно, они выглядели лучше потому, что, согласно теории Кур Нала, стали моложе. Впрочем, я тогда не верил ни единому слову сего ученого мужа, который сыпал теориями, словно овца орешками.

– Глушите машину, Вис Лот, – распорядился он. – Стоя на месте, легче наблюдать этапы обратной эволюции, повернувшей, так сказать,

впопятную... Впрочем, процесс этот виден невооруженным глазом... Обратите внимание... ну хотя бы вот на это...

Вскоре рассвело. Но это не было утро... Хотя бы потому, что Прочион взошел с запада, а не с востока, как следовало по всем правилам небесной механики.

Кур Нал чуть не лопнул от восторга. Я готов был задушить его: мир катится к чертовой матери, а ему наплевать; ему важно то, что мир катится согласно его паршивой теории. Уж таков он...

О том, что эта порченная планета – дело рук подонка, как ты, Сос Тот, мы узнали из местной газеты, одолжив ее у мальчишки, который бежал... задом наперед, равно как и некоторые взрослые, кого мы встретили в этом вывернутом наизнанку мире...

Побег из дому

– Мы возвращались домой, – начал очередную историю Вис Лот. – Возвращались с чувством хорошо выполненной работы. Последние, кого мы, полномочные представители Земного человечества, уведомили о своем богоугодном существовании, были необыкновенно гостеприимные вегианцы, которых мы откопали на задворках созвездия Лиры. Небольшой привал, сделанный нами на одной из необитаемых планеток α Большого Пса, в счет не идет; там мы пробыли ровно столько времени, сколько понадобилось нам, чтобы пополнить запасы вещества, необходимого для окончательного броска к родной системе. Остаток пути, по обыкновению, провалялись в анабиозе. Наш сон продолжался около двух десятков лет; за все это время лишь однажды мы были потревожены нашим недремлющим Цербером – кибернетическим навигатором. Компьютер растолкал нас затем, чтобы огласить приветственную радиogramму толимчан, с которыми мы имели честь познакомиться в начале космической одиссеи.

Четыре года спустя Цербер снова поднял нас на ноги. На этот раз окончательно. Я принял у него бразды правления. "Мезон" уже вошел в пределы гелиотория, то есть в пространство, где безраздельно царило Солнце.

Вскоре показалась и сама Земля; я помню, как взволновал нас этот голубой шарик, который, по мере нашего приближения к нему, становился все больше...

Разрешение на посадку мы получили тотчас, едва появилась в этом надобность. Карантинили в уютном загородном домике с фруктовым садом, бассейном, теннисным кортом и с прогулочным вертолетом в придачу. Нас окружали заботливые люди в белых халатах, и мы чувствовали себя почти как дома... Нет-нет, Сос Тот, я не оговорился, – предупредил Вис Лот своего въедливого слушателя. – Планетная семья, куда мы попали, называлась "Солнечной" и насчитывала девять сестер, имена которых мы помнили с детства. Но это был не наш мир. Люди

ничем не отличались от нас – ни внешним видом, ни внутренним содержанием, – изъяснялись на одном с нами языке. И все-таки мы были не дома...

Выяснилось это совершенно неожиданно. И вот при каких обстоятельствах... – Он немного помолчал, деловито и не спеша раскуривая свою чадающую трубку.

После двухнедельной изоляции, – продолжал навигатор, извергая гейзеры белесого дыма, – во время которой десятка два бородатых профессоров в белых халатах поочередно простукивали наши ребра, оставляя нас в покое только ночью, было устроено большое торжество на Красной площади. Масса живых цветов, государственные флаги, речи...

Праздник открыл председатель Международного общества космонавтов.

– Земной поклон вам, дорогие гости! – сказал он в заключение. – Мы, жители Земли, сделаем все, чтобы вы чувствовали себя на нашей планете, как на своей собственной...

Мы себя ни к чьим гостям не причисляли. Стало быть, не нас чествуют, подумал я разочарованно. Тогда кого же? Мы это выясним сию минуту, пообещал я себе.

Я подошел к председателю, когда он уступил место у трибуны очередному оратору, сказал:

– Поклон – хороший народный обычай. Но кому он адресован?

– Шутить изволите? – последовала ослепительная улыбка. – Вам, разумеется.

Непосредственная реакция побуждала меня затеять дискуссии; однако я этого не сделал, мудро решив, что тут не место и не время для семантических экспериментов. Идеальным местом для словесных упражнений я счел наш загородный домик, а временем – завтрашний день, когда обещал навестить сам председатель Международного общества космонавтов, уступив моей настойчивой просьбе.

Председатель пришел в расположение нашего изолятора, как и обещал, ровно в двенадцать.

Это была примечательная фигура во всех отношениях. Ему, негру по происхождению, несомненно, пошла на пользу европейская кровь, несколько капель которой текло в его жилах, равно как и профессия межпланетчика, коим он был до того, пока не стал председателем. На черном, как смоль, лице неожиданно ярко голубели честные глаза, голос у него был мягкий, а речь не тороплива. Дю Эр – таково его имя. С ним была миловидная белокурая девушка с кослингом через плечо, необычайно подвижный старичок и десять бравых молодцов, показавшихся мне подозрительно знакомыми.

Кивнув нам вместо приветствия, разбитной старичок, в котором я безошибочно угадал историка, бесцеремонно плюхнулся в кресло; остальные охотно последовали его примеру.

– Мы пригласили вас, – начал я, – чтобы с вашей помощью устранить некоторые недоразумения, возникшие в связи с нашим возвращением на Землю. – Я умышленно сделал акцент на слове "возвращение".

– Вы, по-видимому, оговорились? – осведомился старичок и нервно постучал пальцами по желтому портфелю, лежащему у него на коленях.

– Отнюдь нет, – сдержанно ответил я, хотя самого так и подмывало сказать что-нибудь более эмоциональное.

– В таком случае – заблуждаетесь, – последовало уточнение. – Да, заблуждаетесь, молодой человек. Уж поверьте мне на слово, как специалисту по истории космонавтики, на страницах которой, да было бы вам известно, я тщетно искал ваши имена и дату старта "Мезона".

– Я с самого начала подозревал, что роль гостей вас не очень-то устраивает, – заметил председатель. – И это крайне меня беспокоило. Да. И все-таки вы – наши гости... Гости, пришедшие к нам, судя по всему, из того гипотетического параллельного мира, в существование которого мы только теперь по-настоящему и окончательно поверили, и вам советуем сделать то же самое. Э-э-э... так будет лучше.

– Дю Эр прав, – снова заговорил старичок. – Мы с вами действительно представляем разные миры. Хотя и параллельные, однако во многом непохожие. Прежде всего – по уровню технологических достижений. Судите сами. Мы только-только освоили Солнечную систему, и то далеко не полностью... В то время как вы уже совершили столь грандиозные галактические перелеты!.. Впрочем, наш "Мезон", чей экипаж вы видите у себя в гостях, – он кивнул в сторону бравой десятки, в которой я узнал и своего двойника, только моложе меня лет на двадцать-тридцать, – в ближайшем будущем последует примеру своего параллельного тезки...

Словом, – вдруг заторопился Вис Лот, выколачивая золу из трубки в платиновый тигель, который он использовал вместо пепельницы, – наши хозяева не испытывали затруднений относительно аргументов, что один другого был тяжеловеснее. Очная ставка нас доконала. И мы поверили. В ту же ночь, воспользовавшись вертолетом, мы тайно проникли на космодром и дали деру... – навигатор помолчал. – С тех пор и блуждаем в этих злополучных параллельных мирах, будь они неладны, словно неприкайные. В мирах, столь похожих на наш собственный... Спокойной ночи, ребята. – Он вышел из-за стола и нетвердо направился к выходу.

– Вис, – остановил его Сос Тот, – вам никогда не приходило в голову, что вы бежали из своего времени?

– Приходило, – обернулся навигатор. – Приходило, Тот, – повторил он. – Но меня смущают двойники...

Сос Тот самодовольно усмехнулся.

– И напрасно, – сказал он. – Это были вы. Только значительно, так сказать, ранние, за неделю-другую до старта.

– Я что-то плохо вас понимаю, парень, – признался Вис Лот, возвращаясь на прежнее место.

– А вы попробуйте, – посоветовал Сос Тот. – Начните с того, что выкиньте из головы порочную, ничем не обоснованную убежденность в существовании так называемых "параллельных" миров. Вас ввело в заблуждение одно из свойств времени, эффекты которого в совокупности с пространством могут быть самыми неожиданными. Согласно Четвертому закону релятивистской компенсации для системы, движущейся с субсветовой скоростью в сверхпротяженном пространстве, время затормаживается относительно некоей неподвижной системы, тогда как для последней наоборот – ускоряется. Речь идет об эффекте, известном специалистам как положительное уравнение. В вашем случае произошло нечто обратное – это явление также выражено с помощью аналогичного уравнения, где знак плюс заменен знаком минус.

– Стало быть, все дело во времени?

– Да. Оно значительно гибче и эластичнее, чем вы полагаете... Кстати, как вам понравились сегодняшние сосиски?

– Превосходные, как всегда.

– Только-то и всего? Значит, я старался напрасно...

– Вы хотите сказать, что на этот раз они из натурального мяса?

– Да, Вис. Именно это.

– И что, несмотря на мой решительный протест, вы все-таки таскались в прошлый век за теленком?

– Да, Вис

– Чудовище!

– Вы остались самим собой. Другой на вашем месте сказал бы мне спасибо. . .

– За сосиски?

– И за сосиски – тоже. Между прочим, это благодаря мне ваш "Мезон" проделал этакую эквилибристику – финишировал прежде, чем состоялся старт...

– Для этого вам пришлось изобрести минус-уравнение к Четвертому закону релятивистской компенсации?

– Вы догадливы, Вис.

– Пошли вы к дьяволу!

– Вы не можете простить себе свой позорный побег из дому? Полноте. В любое время я запихну вас обратно, только изъявите желание.

Психогазозойская эра

История, которой я собрался вас сегодня попотчевать, имеет несколько кислотоватый привкус назидательности. Нет-нет, средств против оскомины не понадобится. Навязывать своих мнений не стану. Единственное, что я сделаю от себя, это проведу параллель между двумя одинаковыми по уровню цивилизациями – давно исчезнувшей, о которой речь впереди, и вашей, что существует до сих пор благодаря лишь чистой случайности... Никаких вопросов, Сос Тот! Впрочем, только один. Всего один, Сос Тот. Но задам его я. А тебе, трубадуру этих беспробудных пья... то есть... нюхальщиков, предоставляется право на него ответить. Разумеется, как можно но короче. Итак, каковы ваши взаимоотношения с окружающей вас природой? Говоря "ваши", я имел в виду не только вас лично, Сос Тот, не только присутствующих... Так, так, говорите в этом аспекте у вас все в порядке? Спасибо за услугу. Вы покривили душой, Сос Тот. Я бы на вашем месте сказал так: пока в порядке. Пока. Сейчас объясню, в чем дело. Экология такой замкнутой в себе системы как планета – следствие или, лучше сказать, результат некоего идеально отрегулированного и хорошо смазанного механизма, именуемого симбиозом. Вы это проходили в школе? Тогда известно вам также и то, что симбионты – это живые существа, растения, водоемы, болота и даже воздух, – существование которых зависит от тесных взаимодействий, издавна сложившихся между ними. Известно-то известно. Однако вы ничего не делаете для своих партнеров, с которыми – тут уместно привести известный стереотип из альпинистской терминологии – идете в одной связке. Точнее – ничего хорошего. Стало быть, ни о каких взаимоотношениях не может быть и речи. Взаимоотношение – действие, несущее пользу для обеих сторон. Ваши же отношения сугубо односторонние, потребительские, и называются они пиратским словом "вмешательство".

Преследуя санитарные цели, вы повсеместно осушили болота. Комары и прочие переносчики малярии бесследно исчезли; но вместе с ними исчезла и белка, так как зависимость кедра от болотного хвоща оказалась более существенной, чем вы полагаете. Меж тем загубленные хвойные деревья, равно как и залитые асфальтом травы – это навсегда утраченные тонны кислорода, недостаток которого уже ощущается... судя по вашей необычайно развитой грудной клетке, Тот. Да. Это еще не катастрофа; но она может разразиться в любую минуту. Однажды воздух превратится в яд или еще во что-нибудь, столь же смертоносное. Например, в результате подобной метаморфозы атмосферы перестала существовать целая цивилизация, о которой я упомянул вначале.

В космосе всякой всячины вволю. Однако тем, что годится человеку в пищу, там не очень-то разживешься.

Нам, то есть экипажу "Мезона", нужно было возобновить запасы обыкновенной питьевой воды; мы обшарили около двух десятков

планет, прежде чем наши поиски увенчались успехом. Теперь-то мне доподлинно известно, что аш два о так же нелегко обнаружить, как и обитаемую планету.

Планета, на которой мы раздобыли воду, была размером с Венеру, обладала всеми пороками Земли и недостатками Марса; она ближе чем на двести пятьдесят миллионов километров никогда не приближалась к светилу, а ее ось была отклонена от плоскости эклиптики аж на тридцать градусов. Там, где нет тепла, не может быть свободного кислорода, – стало быть, там нет и быть не может воды ни в жидком, ни в твердом состоянии. Если бы ни Ус Вит, который больше верит спектрограммам, чем логике и здравому смыслу, мы бы ни за что не обратили внимания на это любопытное небесное тело.

Вопреки нашим ожиданиям климатические условия на планете оказались на редкость благоприятными. Физики, для которых в природе не существует ничего необъяснимого, объяснили это оптическими особенностями атмосферы. И на этот раз они были правы. Все дело было в атмосфере, пропади она пропадом!

Да-да, Сос Тот. Всею виной была атмосфера. Атмосфера, которая, помимо всего прочего, обладала весьма скверным характером и вела себя подобно живому существу, наделенному некоторой долей разума.

Заявила она о себе во время посадочных маневров.

Вняв доводам Ус Вита и других членов экипажа, которые поддержали его, я швырнул "Мезон" в атмосферу и, повернув корабль кормой в сторону поверхности планеты, выключил тягу. Прежде чем запустить средства движения на этот раз в тормозном режиме, я немного подождал, когда начнется свободное падение. Так это обычно делается. Но прошла минута, другая, а корабль не падал. Напротив, он заметно двигался вверх, словно резиновый шар, наполненный водородом. Это противоречило всему моему опыту. Но я не растерялся, сделал новый разворот. Но тягу не убрал, лишь чуть убавил подачу горючей смеси. На этот раз все пошло как по маслу. Вскоре наша колымага встала всеми четырьмя лапами на твердую почву.

Теперь можно позволить себе и небольшой отдых. Приятно в такие минуты развернуть плечи и послушать, как хрустят суставы, входя в свои привычные гнезда, откуда они были вытянуты продолжительным физическим напряжением. Этой музыки иногда ждешь многие месяцы, а то и годы. Эти минуты – единственная, быть может, награда за те чудовищные испытания, что щедро валяются на голову космического скитальца. Забравшись поглубже в кресло, я был полон решимости вырвать у судьбы то, что причиталось мне по праву.

– Вис Лот, – заговорило переговорное устройство голосом Кур Нала.
– Вы ничего не заметили?..

– Нет, – отозвался я. – И не желаю ничего замечать.

– Извините. Но я подумал, что вам будет интересно посмотреть на звезды...

– Вы шутите, старик? Да они у меня в печенках!

– Речь идет о явлении, позволяющем видеть звезды среди бела дня... на стороне планеты, освещенной местным светилом, – настаивал физик. – Вот в чем дело...

– Ну это по вашей части, – отмахнулся я.

– Как хотите.

– Я хочу выспаться как следует.

Я бы не сказал, что чувствовал себя особенно бодро, когда проснулся. Состояние у меня было такое, какое бывает у человека, которому что-то помешало выспаться. Впрочем, голодные спазмы в желудке не замедлили просветить меня относительно моего недомогания. Чтобы проветрить мозги, а заодно и раздобыть что-нибудь из съестного, я сполз с лежанки и, покачиваясь, вышел из рубки. За ближайшей дверью, ведущей в астрономический отсек, слышались возбужденные голоса. Пройти мимо у меня не достало решимости. И сил – тоже.

– Ребята, я помираю с голода, – оказавшись по ту сторону порога, пропищал я голосом побирушки, просящего подавание.

"Ребята" тотчас умолкли; их глаза, которые они ко мне обратили, были полны братского сострадания. Я, конечно, был тронут. Кур Нал поднялся с табуретки-вертушки и, с явным сожалением оглянувшись на телескоп, который он вынужден был оставить, молча направился в сторону холодильника. Воспользовавшись отсутствием астрофизика, я подошел к оптическому инструменту и заглянул в окуляр.

– Что... уже ночь? – удивился я, увидев фрагмент спирали какой-то далекой галактики.

Товарищи многозначительно переглянулись.

– Стало быть, вы еще ничего не знаете, Вис?.. – посочувствовал мне Ус Вит.

– Как это ничего не знаю?! – обиделся я. – Правда, я родился ночью, если верить моей повитухе. Однако – достаточно давно, чтобы к текущему моменту кое-чему научиться...

– Сейчас полдень, Вис, – объяснил лаборант, терпеливо выслушав мое неуместное возмущение. – Следовательно, вы проспали ровно сутки. Что же касается звезд, видимых на дневном небе, то они не по зубам даже моим знакомым физикам.

– Эту песню я, кажется, от кого-то уже слышал, – вспомнил я, покопавшись у себя в черепной коробке. – Не вы, Кур Нал, пели мне ее на сон грядущий вместо колыбельной?

– Звезды тут ни при чем, – отозвался шеф астрофизиков, подавая мне консервный нож и банку тушеного вегианского зверя, напоминающую кирпич по весу и фиолетовые чернила по окраске. – Все

дело в безвоздушном пространстве, которое образовалось вокруг корабля тотчас, едва была осуществлена посадка. Речь идет об устойчивом вакуумном колодце диаметром около двухсот метров и глубиной во всю толщу атмосферы...

– Между тем, – посетовал Ус Вит, – за пределами этой каверны – обычная воздушная смесь, теоретически пригодная для дыхания.

– А практически? – осведомился я.

– Не пригодна.

– Каким образом это выяснилось?

– Самым что ни на есть непосредственным, – объяснил Кур Нал. – Этот эксперимент чуть не стоил жизни Ар Нилу...

– Стало быть, он выходил наружу?

– Да, – сказал Ус Вит. – Я тоже был с ним. И еще двое – ваш помощник, который так же хорошо справляется с вездеходом, как вы, Вис, и один из физиков.

– Любопытно, – сказал я, проглотив очередной кусок фиолетовой тушенки. – Что же побудило вас на эту рискованную вылазку?

– Тоже любопытство. Нам захотелось посмотреть, как выглядят обитатели большого населенного пункта, что был обнаружен при финише.

– Населенного пункта?.. Я ничего не заметил...

– Тогда вам было не до того, Вис...

– Это верно, – охотно согласился я. – Когда управляешься с такой машиной, как "Мезон", тебе далеко не до развлечений. Если и на что-томотришь, так только на осциллографы.

– Сначала, разумеется, подождали часок-другой, – может быть, аборигены сами пожалуют к нам, движимые элементарным любопытством...

Лаборант помолчал.

– Продолжайте, Вит, – поторопил я.

– Но только даром потратили время, – продолжал он, переведя дыхание. – Тогда Ким Ур, ваш помощник, смазал коляску, и мы покатали в сторону ближайшего населенного пункта; идеально ровный пластик, который глухо стучал под гусеницами вездехода, позволял развить скорость, соответствующую темпераменту водителя... Вы, должно быть, подумали, Вис, что речь идет о дороге? Ошибаетесь, коли так. Таковых сооружений тут не имеется: в них нет нужды, поскольку упомянутый пластик наблюдается повсеместно... Это сплошная дорога. Дорога, о которой может только мечтать человечество или иная цивилизация, обладающая наземным транспортом. Исключение составляют лишь те места, где располагаются естественные водоемы – десятка два-три озер и небольших морей, сообщающихся между собой причудливой системой каналов.

– Пока я дрыхнул, вы не сидели сложа руки...

– Что правда, то правда, – согласился Ус Вит. – Мы уже кое-что знаем об этом мире. Но вы опять ошибаетесь, если полагаете, что мы приобрели их, эти знания, благодаря нашей расторопности. Основной массой сведений мы обязаны кибернетическим информаторам.

– Понятно.

– Первое, что привлекло наше внимание, когда мы покинули "Мезон", это огромные зеленые шары, парящие в воздухе; они были окутаны белесыми облаками и производили впечатление миниатюрных планет, обладающих собственной атмосферой; при нашем приближении они либо поднимались вверх, либо отплывали в сторону. Благодаря информаторам, которые предупредили нас о возможном столкновении с представителями местной флоры, равно как и о их повадках, мы были избавлены от приступа сильнейшего шока. Да-да, Вис Лот. Речь идет о растениях. Растениях, приспособившихся к существованию вне почвы, с которой изгнала их тотальная пластификация. Растение представляет собой сложную систему или, лучше сказать, клубок, состоящий из корней, веток и глянцевиных мелких листьев, и живет за счет веществ, что находятся в парообразном облаке...

– Любопытное растение, – остановил я лаборанта, давая понять ему, что лекция о местной флоре достаточно набила мне оскомину.

И Ус Вит меня понял.

– Чем ближе подъезжали мы к городу, – рассказывал он далее, – тем меньше попадалось экзотических растений. Зато появились... человеческие трупы; и с каждым километром их было все больше... Вскоре мы добрались и до населенного пункта. Вернее – до скопления великолепных архитектурных сооружений, бывших некогда населенными. Вы, конечно, уже догадались, Вис, что я намерен сказать?.. Между тем, никаких разрушений, улицы чисто выметены... Донесения, поступающие от киберинформаторов, свидетельствовали о том, что то же самое случилось со всеми разумными обитателями планеты. Я сказал "разумными" неспроста. В одном месте, куда из-за сильной заболоченности не смогла проникнуть пластификация, все же выжило несколько видов травоядных и хищных животных. Однако приматов, которые обитали там же, катастрофа не пощадила... Словом, трупы, трупы, трупы... Ни единой живой души. Могильный покой. Архитектурные сооружения казались причудливыми памятниками на исполинском ухоженном кладбище.

Лаборант снова помолчал.

– Мы уж было примирились с ролью археологов, которую подсунула нам вечность, и были немало удивлены, когда за прозрачными стенами здания заводского типа заметили какое-то движение... Ким Ур остановил машину. Пока мы совещались, кому пойти на разведку, кто останется в вездеходе, из щелеобразных ворот здания показалась цепочка приземистых субсерватов, окруженных

облаками ядовито-желтого пара; каждый двигал перед собой небольшую платформу, нагруженную метровыми кубами темно-коричневой окраски – цвета пластика, что покрывал поверхность планеты, и, по-видимому, того же происхождения.

Субсерваты – машины. Но машины мыслящие. Стало быть, и они, если нам повезет, могут пролить свет на кое-что из того, что произошло в этом загадочном мире. Соблазненные этой перспективой, мы с кинооператором выбрались наружу. Ким Ур и физик Кос Мил остались в транспорте, чтобы подстраховать нас в случае какой-либо непредвиденной опасности. Оружия у нас никакого не было, если не считать кинокамеры, с которой Ар Нил никогда не расставался, и кослинга, что болтался у меня на шее.

За первой цепочкой субсерватов последовала вторая; и эти толкали перед собой платформы, также нагруженные коричневыми кубами.

Мы подошли к субсерватам поближе. В то время, как Ар Нил стрекотал камерой, я с помощью жестов и кослинга попытался привлечь их внимание. Но никакой реакции не последовало; по-видимому, их функции ограничивались всего лишь комплексом вьючного животного. Махнув рукой на кибернетических носильщиков, мы без дальнейших проволочек направились к щели, что служила входом в прозрачное здание, где надеялись отыскать субсервата потолковее.

Изнутри помещение оказалось более просторным, чем мы ожидали; еще более неожиданным было то, что там увидели. Речь идет о техническом сооружении, которое не имело ни определенной окраски, ни постоянной формы. Когда я бросил на него первый взгляд, оно представляло собой сочетание цилиндров, шаров, призм, параллелепипедов и прочих геометрических фигур, полыхавших всеми цветами спектра, – все это сообщалось при помощи труб, диаметр коих тоже то и дело менялся; затем оно обратилось в нечто, напоминающее очертание пролитых чернил, в скопище горячечных кошмаров и еще кое во что, не поддающееся описанию, незыблемым был только массивный фундамент, на котором оно непонятным образом удерживалось, да конец одной из труб, что с быстротой пулеметной очереди выплевывал пластиковые кубы.

– Представляю, как все это было интересно! – позавидовал я.

– Не сокрушайтесь, Вис Лот, – утешил меня лаборант. – Скоро сами все это увидите...

– Намечается очередная вылазка? – осведомился я.

– ...увидите глазами Ар Нила, – уточнил Ус Вит, – когда он немного очухается. Притом – не покидая надежных переборок "Мезона". Ар Нил как истинный киношник реагировал на все, с чем сталкивался, километрами дорогостоящей пленки... Совсем заболтался, – спохватился он, мельком глянув на часы, вмонтированные в переднюю стенку

астрономического отсека. – Меня ждут пробирки, – и он направился к выходу.

Я загородил ему дорогу.

– Минуточку, Вит, – сказал я. – У меня такое ощущение, что вы еще все мне выложили, верно?

– Верно, – согласился Ус Вит, улыбаясь. – Самое интересное еще только начинается...

– Тогда какого же вы дьявола смываетесь?

– Остальное с таким же успехом доскажет любой из присутствующих... Например, тот же Кур Нал: он вытянул из меня все жилы, требуя все новых подробностей...

– Конец этой любопытной истории я хочу услышать от вас, Вит, – уперся я. – И только в вашем корявом изложении.

– Спасибо за комплимент, – сдался лаборант.

– Пожалуйста.

– Этой симфонией красок и форм, – продолжал Ус Вит, – дирижировал ординарный на вид субсерват. Мы обнаружили его в открытой кабине, которая стремительно носилась вокруг загадочного сооружения, скользя по рельсовому полотну, замкнутому подобно листу Мебиуса. Благодаря столь оригинальной конструкции колеи субсерват оказывался то внутри, то снаружи круга, то вниз, то вверх головой и в прочих мыслимых и немыслимых положениях.

Пока я глазел по сторонам, кослинг, что болтался у меня на шее, добросовестно вгрызлся в семантику вьючных субсерватов, которые, как ни странно, то и дело затевали между собой продолжительные свары; и к тому времени, когда я заговорил с субсерватом-эквilibристом, он достаточно поднаторел в местной лексике, чтобы оказать мне услугу.

– Але, оператор, или как вас там?.. – гаркнул я через усилитель кослинга. – Вы можете уделить нам минуту-другую? Коли нет, то укажите дорогу к кому-нибудь, менее занятому...

– Зачем вас отсылать к кому бы то ни было?.. – тотчас отозвался "эквilibрист". – Спрашивайте: я сам с большой охотой отвечу на вопросы, которые вы задать мне изволите. Что же касается моего имени, то можете называть Укротителем, Возбудителем, Регулятором... или... э-э-э... Оператором, если вам угодно – все равно эти термины не выражают сути выполняемых мною функций.

– Что это такое? – ткнул я пальцем в пульсирующее сооружение, пытаюсь направить словоохотливость субсервата в нужное мне русло.

– Перед вами обыкновенный биотрон, уважаемый гуманоид. С помощью этого агрегата мы преобразуем неорганическую субстанцию в органическую.

– Что именно?

– Песок, глину, различные металлы, воду и все остальное, что находится в недрах и на поверхности планеты.

– Коричневые метровые кубы – конечный продукт этого чудодейственного процесса?

– Далеко нет. Они будут подвергнуты дальнейшей обработке.

– Для каких целей?

– Чтобы получить пищу, одежду, обувь, предметы домашней утвари и украшений.

– Кому это теперь нужно? Ведь биологические носители разума больше не испытывают потребности в тех вещах, которые вы только что перечислили...

– Верно. Но нас некому деактивировать... Вот тут-то мы с вами договорились до того, что вас особенно интересует. Так ведь?

– Может быть, – сдержанно сказал я, чтобы поставить на место самонадеянного субсерват. – Лучше объясните нам, какую роль играет ваше карманное облако?

– Самую что ни на есть зловредную! – неожиданно взвизгнул "эквilibрист" и еще быстрее понесся по кругу. – Оно ест нас поедом. Несмотря на ежедневную процедуру пластификации, лишает смазку ее основных качеств, отчего узлы сочленений то и дело выходят из строя...

– Из чего оно состоит, ваше облако?

– Из ядовитой смеси, в составе которой присутствует львиная доля циана. Из того самого соединения, что уничтожило биологических носителей разума.

– Как давно это случилось?

– Что вы имеете в виду?

– Гибель ваших создателей.

– Около трех столетий назад.

– Не может быть! – ахнул я. – Судя по хорошо сохранившимся телам, что на улицах города...

– Вы правы, трупы сохранились, – согласился субсерват. – Это оказалось возможным потому, – объяснил он, – что в атмосфере отсутствуют гнилостные микроорганизмы.

– Странная атмосфера!

– Она такая, какой ей хочется быть.

– Словно хочется быть, – поправил я, подчеркивая "словно". – Мы с самого начала обратили внимание на эту ее особенность...

– Понимаю. Она пыталась воспрепятствовать вашему вторжению?

– Что-то в этом роде, – уклончиво ответил я. – Но почему вы настаиваете на формулировке, обычно применимой к живому организму?

– Это и есть живой организм, – последовало решительное утверждение. – Больше того – организм мыслящий.

Я снова хотел сказать, что быть такого не может. Но язык отказался повиноваться, слова застряли в горле.

– Я понимаю ваше состояние, – посочувствовал субсерват, догадавшись, по-видимому, о моих безуспешных попытках справиться с шоком, лишившим меня дара речи.

– Если дело обстояло именно так, как вы утверждаете, – выдавил я из себя спустя некоторое время, – это жестокий, бездушный разум...

– Обыкновенный разум, – возразил субсерват. – Как бы вы поступили, если бы кто-либо начал угрожать вашей жизни?

– Стал бы защищаться, разумеется.

– Аналогичным образом отреагировали и психогазозойцы – разумные представители газовой жизни.

– Разве ваши создатели угрожали психо... газо... зойцам? – я кое-как выговорил непривычное слово.

– На протяжении всей своей писанной истории... начиная с отравления водоемов... и кончая сплошной пластификацией.

Аргумент был достаточно веский. Но я не сдавался.

– И все-таки это было ударом из-за угла.

– Ни в коей мере.

– Гуманоиды наверняка не подозревали о психогазозойском разуме, сосуществовавшем с ними, так сказать, под одной крышей.

– Почему вы так думаете?

– Согласитесь, столь необычная форма цивилизации...

– И все-таки гуманоиды о ней знали. По крайней мере – некоторые из них...

– Я вас слушаю.

– Пока гуманоиды культивировали злаки и ухаживали за домашними животными, – продолжал субсерват, стремительно двигаясь по колее, кривизна которой опрокинула его вверх ногами, – дела у них шли как нельзя лучше. Хлебопашцам и скотоводам казалось вполне естественным, что интересы природы совпадали с их собственными. Однако кое-что их все же озадачивало. Например, индивидуальная тучка, что ни с того ни сего возникала над палисадником и начинала поливать только что высаженную рассаду капусты или грядку с огурцами, которые нуждались в дополнительной влаге. Случалось, каменщик, возводя дымоход, сваливался с кровли; но, к собственному удовольствию, он отделялся всего лишь испугом: падение вдруг замедлялось, и он успевал за что-нибудь ухватиться. Астрономы никогда не жаловались на атмосферные помехи, а тому, кто плывал по морю, неизменно сопутствовал ветер.

Все это и многое другое невозможно было объяснить простым стечением случайных явлений природы или действием духов, покровительствовавших гуманоидам. Но мало кто задумывался над причинами столь чудесной опеки.

Гуманоидная цивилизация между тем не стояла на месте. На смену сельскохозяйственным орудиям пришли машины, которые вгрызались в

недра планеты, уничтожая плодородный слой, чтобы извлечь полезные ископаемые. Воздух все больше отравлялся продуктами химических процессов, а водоемы – промышленными сбросами.

Тогда психогазозойцы из добрых фей превратились в коварных злых фурий, которые валили чадающие трубы, взрывали химические заводы, шадя однако ветхие постройки фермеров. Но их по-прежнему игнорировали. Тут-то и появился циан как защитная реакция на смертельную опасность... Стойте, что вы делаете, пришелец?!

Но было уже поздно. Ар Нил, кому адресовался предостерегающий возглас субсервата, успел отстегнуть зажимы, соединяющие шлем со скафандром, нарушив тем самым герметичность последнего. Вокруг Ар Нила тотчас образовалось облако характерной желтоватой окраски.

Зачем Ар Нил это сделал?.. Я подозреваю – из чисто экспериментальных соображений, не поверив рассказам субсервата о существовании психогазозойцев. Так это или иначе, он расскажет сам, когда поправится...

Вот, пожалуй, и все. Ар Нил выздоровел. Он так был напуган случившимся, что с тех пор просто не расстается со скафандром, даже спит в нем. Советую, – сказал в заключение Вис Лот нахлебникам ресторана "Волосы Вероники", – и вам поступать так же. А то – чего доброго... Впрочем, выводы извольте сделать сами.

1978

Рис. П.Бурмина «Парусник»

Жизнь на бочке с порохом

Рал Куд проснулся ровно в ту минуту, когда истек срок, положенный для отдыха, однако продолжал лежать в постели.

– Поднимайся, старина, – услышал он негромкий, но решительный голос старшего напарника спустя некоторое время.

Он не против. Честное слово не против. Но беда в том, что не так-то просто это сделать.

Однако вставать надо.

Рал Куд с большим трудом повернулся животом вниз, подсунул под себя руки и рывком оттолкнулся от лежанки, словно штангист, ставящий рекорд тяжести; разница была лишь в том, что он имел дело не со штангой, а с собственным телом, которое тут, на Юпитере, было раза в три с половиной тяжелее. В результате этой эквилибристики ему удалось сначала сесть, затем принять вертикальное положение. И это еще в условиях противогравитационной защиты. А если бы она, эта защита, отказала? Но об этом лучше не думать.

Но об этом лучше не думать, – повторил он минуту-другую спустя, на этот раз вздрагивая под душем. Собственно, вода была не особенно холодной, но, тяжелая, как ртуть, она больно ранила обнаженное тело.

– Вот твой завтрак, Рал, – сказал напарник Ил Нар. – Что-то сегодня выглядишь неважно...

– Тебе померещилось, Ил, – бодрясь, отозвался Рал Куд. – Успокойся. Все в норме.

И он не лгал: несмотря на все свои отрицательные стороны душ сделал свое благое дело, и, садясь за стол, он чувствовал себя значительно лучше.

Ил Нар к тому времени уже расправился со своей порцией концентратов; сейчас он пил маленькими глотками подогретый шоколад, явно наслаждаясь и смакуя.

– Ты знаешь Ле Лана, старина? – осведомился он, с трудом произнося каждое слово; так, по крайней мере, показалось его напарнику.

– Это тот француз, который через неделю или около того сматывается с этой гиблой планеты?

– Тот самый.

– Счастливчик!

– Я бы ему не позавидовал...

– Что ты этим хочешь сказать, Ил? – насторожился Рал Куд.

– Его расплющило...

Расплющило – значит напрочь отказала противогравитационная защита, что означает, в свою очередь, мучительную смерть от чудовищных перегрузок.

Последовало продолжительное молчание. Разумеется, оба думали об одном и том же – о смертельном риске, которому они подвергаются изо дня в день, работая на Юпитере, и о том, что у них мало шансов избежать участи Ле Лана.

– Допивай пойло, Рал Куд, – посоветовал Ил Нар, нарушив тягостную паузу. – А то остынет...

– Спасибо, Ил, – отозвался Рал Куд, однако к чашке не притронулся. – Не проходит и дня без жертвы... – простонал он. – И ради чего, во имя каких целей?..

Ил Нар сочувственно посмотрел на товарища.

– Извини, Рал, – мягко сказал он, – но твое нытье становится невыносимым... Тебе отлично известно, ради чего мы торчим здесь. Не можем же мы отказать братьям по разуму... терпящим бедствие... Это наш долг... Долг чести, наконец...

– Не слишком ли много мы задолжали?..

В конце концов, с завтраком было покончено.

Натянув на себя тяжелые антигравитационные костюмы, молодые люди придирчиво осмотрели друг друга, отрегулировали подачу дыхательной смеси.

– Катушки еще есть в вездеходе? – уточнил Рал Куд.

– Навалом. Мы же только вчера загрузились...

– А информаторы?

– Само собой, старина. Забыл, что ли? Похоже, ты сегодня и впрямь расклеился...

Этими словами они обменялись, пока вентиляторы нагнетали метан в шлюзовую камеру. Вскоре сам собой распахнулся лазовый люк: внутреннее давление, образовавшееся в результате работы пневматической системы, его легко выдавило наружу.

Рал Куд вышел первым.

– Стало быть, как обычно, – сказал он. – Пока ты копаешься в гараже, я прогуляюсь до ближайшего аппарата. – И решительно шагнул в свинцовые юпитерианские сумерки.

Ил Нар кивнул.

В гараже тоже имелась шлюзовая камера, и Ил Нару пришлось проделать все это сызнова.

Рал наверняка уже на месте и, как всегда, ждет меня с информаторами и катушками, – вслух размышлял он, вырuling на едва различимую среди ртутных торосов, что не уступали в прочности граниту, полосу, которую назвать дорогой можно было лишь с большой натяжкой.

На этот раз информаторы и катушки не нужны были Ралу Куду; он даже не дошел до ближайшего аппарата. Ил Нар нашел его между двумя торосами лежащим на животе с выкинутыми вперед руками. Характерная обтекаемость, которую приобретает скафандр, когда отказывает

противогравитационная защита, свидетельствовала о том, что еще одно сердце перестало биться.

Когда появились эти злополучные Сборщики Информации в Солнечной системе – установить пока не удалось. Первые из них были обнаружены на Марсе лет сто назад. Затем – по мере освоения планет – на Венере, Юпитере, Сатурне, Уране, Нептуне, Плуtone, Меркурии и даже на некоторых крупных астероидах.

Самому автору этого достоверного очерка увидеть аппарат своими собственными глазами не довелось. Судя по рассказам тех, кому повезло больше, внешне он напоминал исполинский шуруп, опрокинутый на шляпку. Шуруп, на острие которого, привлекая взоры любопытных, сиротливо сверкала красная искорка.

«Как ни странно, но, увидев инопланетный артефакт, мы мгновенно догадались что это, откуда и зачем, – сказал мне один из очевидцев. – Прежде чем подойти к нему поближе, нам следовало понаблюдать за ним издали – этого требовали элементарные меры осторожности, за игнорирование которых иногда исследователи расплачиваются жизнью. Но пренебрегли этим правилом, так как были уверены, что ничего плохого с нами не случится. Мы были уверены также в том, что, едва окажемся в непосредственной близости от аппарата, как тотчас откроется люк, высунется из него транспортер, чтобы выбросить партию информаторов и катушек – и мы знали, что делать с теми и другими. Приведенную выше информацию, несомненно, внушил нам инопланетный артефакт, не издав при этом ни единого звука; стало быть, инструкция была передана не посредством фонетических знаков, а каким-то иным способом, возможно, аналогичным телепатии...»

Но не только это «внушил» иноземный пришелец очевидцам.

Погасшие звезды Ферир и Ллил, что находятся где-то за пределами нашей Вселенной, вращаются вокруг общего центра тяжести: на них почти не происходит никаких «звездных» процессов, и как светила они давно прекратили свое существование.

Обитатели погасшей звезды Ллил – жизнерадостный и доброжелательный народ; к сожалению, то же самое не скажешь о их злых, агрессивных соседях. Последнее обстоятельство предопределило характер политических взаимоотношений этих высокоразвитых цивилизаций. Взаимоотношений, если таковыми можно назвать демонстрацию грубой силы, продолжавшуюся многие миллионы лет.

Впрочем, жесточайшие войны, навязываемые жителями звезды Ферир, благодаря равным техническим возможностям не приносят существенных преимуществ фериритам и не наносит заметного урона ллиянам.

Больше всего на свете ллиянам хочется жить в мире и заниматься созидательным трудом; но они вынуждены постоянно думать о войне, чтобы отражать удары, наносимые фериритами.

После некоторого перерыва неугомонные феририты возобновили военные действия...

Новое оружие представляло собой исполинскую бомбу, начиненную веществом, которое обладает сверхразрушительной силой. Запущенная пятьсот миллионов лет назад, бомба близка к цели...

Возможно, ллияне и на этот раз что-нибудь придумают... если этот смертоносный снаряд самопроизвольно не взорвется по дороге.

Однако кое-кому третьему ни в том и ни в другом случае спастись не удастся. Речь идет о создателях информаторов и катушек, неких соллитанах, которые появились на поверхности самой бомбы... в результате длительной эволюции космической пыли.

3.11.1968

Друг человека – брат человека

– Садитесь, Гордей Матвеевич, – сказал мне редактор местной газеты, в которой я сотрудничал в качестве собственного корреспондента.

Я сел на предложенный стул и попытался догадаться по лицу хозяина кабинета, какое задание он мне приготовил.

– Гордей Матвеевич, – повторил он, – вам не доводилось писать о тех, кто... э-э-э... делает погоду?

– Вы имеете в виду себя самого или лидера правящей партии? – предположил я.

– Нет, ни того и ни другого.

– Тогда речь идет о метеорологах?

– Да. Ну и как?

– Был такой грех.

– Прекрасно, – с явным удовлетворением продолжил шеф. – В таком случае вам и... билет в руки. – С этими словами он протянул мне через письменный стол листок бумаги с бледно-голубыми разводами.

Я взял документ, дающий право на услуги Аэрофлота, и несколько мгновений изучал то, что было на нем написано.

– Дата: 31 декабря; рейс: Кемерово – Диксон, – прочитал я вслух. – М-да... Плакали мои новогодние планы, – добавил я со вздохом.

Редактор вышел из-за письменного стола, похлопал меня по спине.

– Зато вы попадете за праздничный стол к персонажам своего будущего очерка – это тоже что-нибудь стоит, – сказал он вместо утешения.

Метеорологическая станция, где ждали меня герои моего еще ненаписанного произведения, находилась в ста пятидесяти километрах восточнее Диксона. Девяносто девять процентов расстояния, лежащего между Кемерово и станцией, я пролетел на рейсовом самолете, остальное – на нартах, о которых позаботились сами метеорологи, предупрежденные о моем приезде телеграммой.

В кают-компании, куда привел меня каюр, я застал почти весь состав зимовщиков, за исключением немногих, кому по графику полагалось наблюдать за приборами: одни прилаживали последние украшения на стоявшую посередине хорошо натопленного помещения елку, другие сдвигали столы для праздничной трапезы, третьи мастерили маски, чтобы потом, когда московские куранты пробьют двенадцать, повеселиться вволю, спрятавшись от повседневных хлопот за непрочными картонными щитками с изображением милых зверюшек. Слышались оживленные голоса, смех и мелодия известной новогодней песенки, которую вполголоса разучивали две девушки, аккомпанируя себе на гитарах. Пахло смолой, гуашевыми красками, клеем. Тут же я нашел и начальника станции, молодого человека в очках и с рыжим ежиком на голове. Сосредоточенный и рассеянный одновременно, он озабоченно метался по кают-компании, точно что-то искал или пытался вспомнить, то и дело сталкиваясь с сослуживцами. Я решил, что он обдумывает поздравительную речь, подошел к нему с намерением предложить свою помощь, заодно и представиться.

– Антонов, – назвалса он в свою очередь и приветливо улыбнулся. – Рад познакомиться. Вещи можете оставить у меня в кабинете, – покосился он на мой чемодан.

– Это апельсины, – объяснил я. – От редакции (да простит мне эту маленькую ложь бухгалтер издательства). – Затем подошел к столу и высыпал содержимое своего чемодана.

– О боже, какое сокровище! – воскликнул Антонов. – Спасибо... Что, уже без четверти? – спохватился он, глянув на наручные часы. – Наталья, Людмила, Светлана – живо на кухню за закусками, – распорядился он. – Сергей, ты тоже пойдй с девушками – поможешь им справиться с консервными банками. Олег, Виктор, – вы позаботьтесь о сиденьях: если стульев и табуретов будет недостаточно, принесите несколько футляров из-под аппаратуры... А мы с вами, Гордей Матвеевич, – повернулся он ко мне, – сделаем опустошительный набег на винный погреб...

Новый год – самый суматошный из всех праздников; сколько к нему ни готовься, все равно врасплох застанет. Но зимовщики – народ горячий, разворотливый, и звон посуды, наполненной сильно разбавленным спиртом, раздался одновременно с боем кремлевских курантов.

Поздравительные речи.

Тосты. Снова тосты.

Потом вышли из-за стола две девушки с гитарами.

Новый го-о-д настает...–

начали они старую песенку о Новом годе.

Еще раз тост.

И снова песня. На этот раз пели все вместе:

Увезу тебя я в тундру...

Затем было принято единодушное решение размяться вокруг елки. Пока Антонов копался около магнитолы, выбирая соответствующую моменту запись, зимовщики расталкивали по углам столы и стулья, улыбаясь друг другу сквозь прорези ярко размазанных гуашевыми красками картонок.

Тут оглушительно закрипела промерзшая насквозь дверь. Какое-то время клубы белесой измороси скрывали вошедшего в кают-компанию. Сначала появилось лицо; необыкновенно длинное и неестественно бледное, словно неживое, оно напоминало плохо выполненную маску, которую напялили на собачью или лошадиную морду. На голове неизвестного торчало нечто среднее между домашним шлепанцем и шапкой-ушанкой. Затем и – все остальное: покатые узкие плечи, вывернутые в локтях руки, кривые тонкие ноги – все это было обтянуто трико лилового цвета.

Я вопросительно посмотрел на Антонова. Тот в ответ недоуменно пожал плечами.

Подождем, когда незнакомец сам представится, – подумал я о таинственном посетителе.

Но таинственный посетитель не представился. Более того, он вообще не сказал ни слова; постоял две-три минуты у порога, повернулся к нам спиной, толкнул дверь и снова нырнул в клубящуюся изморось.

– Может быть, из оленеводческого хозяйства кто-нибудь?.. – задумчиво предположил Антонов. – Иногда заходят к нам и охотники... Но охотники – люди общительные, словоохотливые... – возразил он самому себе. – А этот... Потом – столь странное одеяние... Интересно, кто бы это мог быть?..

– Это мы сейчас выясним, – неожиданно для самого себя пообещал я и пошел одеваться.

На дворе было морозно и лунно. Снежная пустыня напоминала необъятную постель, застланную хрустящими, хорошо простиранными простынями.

Загадочное существо, пожелавшее остаться инкогнито, я нашел в ближайшем сугробе; оно лежало на спине и глядело в звездное небо. Рядом с ним сидела крупная мохнатая лайка; она неистово выла, задрав вверх морду, в ее умных глазах играли голубые лунные блики.

– Мне доводилось слышать немало любопытных историй, – сказал я. – Историй, в которых говорилось о воющих на Луну собаках. – Я впервые слышал собачий вой и был сильно взволнован. А когда я взволнован, ощущаю настойчивую потребность высказаться или выписаться. Между

прочим, всем, что сказал или написал путного, я обязан исключительно своему волнению. – Не верил, считал это досужим вымыслом... Вы только поглядите, что происходит с животным!.. Сколько в его голосе разнообразных эмоций, я бы сказал, по-человечески глубокой печали, а в глазах, обращенных к небу, – тоски и еще чего-то такого, что недоступно пониманию. Хомо сапиенс!..

– Немудрено, – глухо отозвался незнакомец, словно говорил сквозь зубы. – Отдаленные предки этого создания, – он кивнул в сторону лайки, – прибыли со звезд.

– Все ясно, – невольно сорвалось у меня с языка.

– Что ясно вам, приятель? – насмешливо осведомился неизвестный, по-прежнему лежа на спине.

– Ну... то... что, воя, лайка выражает атавистическую тоску по звездам, откуда прилетели ее предки, – нашелся я. А про себя подумал: «Ясно, что имею дело с человеком, страдающим психической недостаточностью. Нормальный не станет разгуливать по Арктике в синтетическом трико... вместо меховой одежды...»

– Это произошло... примерно... девятьсот тысяч лет назад по вашему счислению, – продолжал чокнутый. – Экспедиция, посланная в систему Желтой звезды, достигла цели, но при посадке на Землю – так, кажется, вы называете вашу планету? – потерпела аварию, устранить которую была не в состоянии с помощью тех средств, что имелись в ее распоряжении. Аборигены же помочь ей не могли: они только что поднялись на задние конечности, освободив передние всего лишь для дубинки...

Незнакомец помолчал. И довольно долго.

Я не верил ни единому его слову, стоял, дрожал от лютого холода и лихорадочно ломал голову, ища более-менее убедительный предлог, чтобы вернуться в нагретую кают-компанию.

– Между нашей и вашей системами, – снова услышал я не слишком благозвучный голос, – более тысячи световых лет. Космонавты, о которых идет речь, были далекими потомками тех, что отважились пересечь это громадное расстояние. Мы можем только догадываться, какие страшные минуты они пережили, когда осознали, что навсегда лишены возможности вернуться на родину своих предков.

– Обо всем этом, – сказал в заключение мой странный собеседник, – я узнал от генетической субстанции моего сородича, – очередной кивок в сторону воющего животного, – или «друга человека», как вы его именуете за бескорыстную преданность и верность, свойственные нам... Что же касается его лунного воя – это ностальгия, непреходящая тоска по недостижимой, затерянной среди звезд отчизне... Как однако велико в нас это святое чувство, если его голос не могут заглушить ни громадные пространства, ни напластования времен и дикости!..

С этими словами загадочное существо, что причисляло себя к многообразному семейству терьеров, лаек, овчарок, дворняжек и болонок, выбралось из сугроба и неторопливо заковыляло прочь, так и не наградив меня ни единым взглядом.

Я совсем околел. Но еще постоял некоторое время, глядя на удаляющуюся нескладную фигуру, в которой и в самом деле было что-то собачье; смотрел до тех пор, пока она не скрылась за полоской карликовых деревьев, откуда почти тотчас бесшумно устремилось в небо нечто пирамидальное и сияющее, точно богато иллюминированная новогодняя елка. И все, что только что услышал, стоя на свежем арктическом ветре, мне уже не казалось бредом сумасшедшего...

Лайка все выла; в ее умных глазах дрожали голубые лунные блики. А может быть, то были слезы?..

– Приемлемо, – сказал редактор, прочитав эти строки. – Я узнаю вас, Гордей Матвеевич: опять вы кончаете тем, с чего следовало начинать... Но такова уж у вас манера... – Он взял красный карандаш и размашисто написал на полях рукописи: «В набор». – А как обстоят дела с очерком?

– Вы только что его одобрили.

– Я имею в виду отчет о вашей поездке на метеорологическую станцию, – объяснил он.

– Я тоже.

– Вы что, не в своем уме? – усомнился шеф в моем здоровье. – Стоило ли переться на край света и трагить народные денежки для того, чтобы сочинить эту новогоднюю сказку? Вы могли бы высосать ее из пальца, сидя у себя на кухне!..

Разумеется, я думал иначе. Но промолчал: чтобы убедить редактора, что прав я, а не он, нужны доказательства, которых у меня не было. Разве что лайка... Но нам ее генетическая субстанция ничего не скажет...

Пришлось писать еще один очерк.

11.12.1971

Рис. П. Бурмина

Гостья

Был на исходе один из тех ясных, похожих на девичьи косынки с голубой каемкой дней, которыми уходящее лето словно машет нам на прощание.

Знаменитый писатель-фантаст, чье имя широко известно читающей публике, вышел из калитки собственного ранчо, чтобы прогуляться в его живописных окрестностях на сон грядущий. Ему

было лет за пятьдесят. Несмотря на излишнюю полноту, а может быть, именно поэтому, он выглядел довольно молодожаво, что свидетельствовало вкупе с его розовыми подбородками, число которых соответствовало трем последним книгам, попавшим в список бестселлеров, о его материальном благополучии. Его яйцеобразный череп был начисто лишен волосяного покрова, однако смуглая кожа и черные сросшиеся брови позволяли предположить, что он принадлежал к распространенной породе брюнетов. Судя по тому, как он мурлыкал себе под нос модную песенку, которую на днях передавали по кардиовизору (вижу сердцем), он пребывал, в исключительно приподнятом состоянии духа.

В футах шестистах от ранчо стоял несокрушимый столетний дуб, крепко вцепившись узловатыми корнями в песчаную почву. В отличие от окружающих его деревьев других пород, он не только не растерял листья, но был все так же пышен и зелен, как в начале лета.

Знаменитый фантаст задрал вверх голову.

– Ишь ты, – молвил он уважительно. – Хоть ты и дерево, а умеешь внушить к себе почтение: на тебя приходится смотреть снизу вверх, словно на президента республики. – Минуту-другую задумчиво помолчал, потоптавшись на одном месте. – Ну, брат, будь здоров. Прогулка прогулкой, а дело есть дело. Меня ждет очередная новелла, которая ни за что не оставит меня в покое, покуда я ей не придам удобочитаемый вид.

И он решительно зашагал прочь, поплотнее закутываясь в плащ, из под лацканов которого виднелась шерстяная фуфайка бежевого цвета; хотя еще солнце светило вовсю, однако, особого тепла не было – довольно ощутимая свежесть, что свидетельствовала о близости вечерних заморозков, угрожающе подбиралась к его холеному, отнюдь не спортивному телу.

Сюжет упомянутой новеллы был навеян редакционной заметкой, которую писатель обнаружил сегодня в газете, просматривая утреннюю почту. Заметка не очень большая, и мы приведем ее полностью:

"Вчера пополудни скоропостижно скончался некий Мартин Рэндолл, агент по распродаже движимого и недвижимого имущества. Труп доставлен в ближайший морг. Тщательный осмотр (цвет тела землисто-серый, живот, по свидетельству консьержки, которая хорошо знала покойного и которая нашла его мертвым, придя по обыкновению сделать уборку в его холостяцкой квартире, необычайно увеличен) позволил врачам, устроившим спешный консилиум, предположить, что смерть мистера Рэндолла, утонченного гурмана и чревоугодника (об этом им любезно сообщила группа официантов ресторана, где столовался покойный), наступила от чрезмерного употребления пищи. Однако дальнейшими исследованиями, производившимися с помощью скальпеля, предварительный диагноз не был подтвержден: вместо кишок, набитых полупереваренной пищей, в животе мистера Рэндолла был обнаружен какой-то непонятный нарост – нечто пульсирующее и

трепещущее, напоминающее куриный зародыш в насиженном яйце, только в десятки раз крупнее. Врачи заявили, что им ничего подобного в своей практике встречать не доводилось. Таким образом "загадка Рэндолла", как окрестили в медицинских кругах этот случай, стала еще более загадочной, чем до вскрытия. Одно лишь, несомненно – это болезнь и, судя по всему, болезнь чрезвычайно опасная. Опасная прежде всего тем, что методы борьбы с ней науке пока неизвестны, как неизвестна она сама. Впрочем, профессор Профьюмо, известный патолог, уже сегодня, по-видимому, кое о чем догадывается. Он полагает, что человечество столкнулось с фактом существования неведомой формы жизни, возможно, пришедшей извне... Исследования продолжаются..."

Эта редакционная статья полностью войдет и в будущее произведение нашего знаменитого писателя.

– Это придаст моей новелле сугубо документальный характер, – вслух размышлял он. – Впервые в истории фантастики фантастическая вещь обретет силу реалистического звучания... поскольку на этот раз я намерен делать ставку не на вымысел, а всего лишь на домысел, что далеко не одно и то же... Только домысел, свойственный всякому художественному произведению...

Однако закончить мысль ему не удалось – помешал оглушительный треск, неожиданно раздавшийся за его спиной.

Фантаст быстро обернулся. Дуб исчез. На останках поверженного дерева – горстке необычайно белого пепла – лежала обнаженная ослепительно красивая женщина. В ее пышных светлых волосах тлела дымящаяся головешка.

Писатель снял с переносицы очки и тщательно протер их носовым платком; затем, водрузив их на место, нерешительно приблизился к новоявленной Еве.

– Вы не пострадали, девушка? – осведомился он дрожащим от волнения голосом, стараясь смотреть в сторону.

Женщина лениво подняла голову. Улыбнулась.

– Здравствуй... землянин, – буднично произнесла она, неспешно поднимаясь на ноги.

– Здравствуйте, – ответил фантаст на приветствие незнакомки, в словах которой, судя по всему, он не заметил ничего необычного. – Я только что тут проходил, любясь ландшафтом... но вас не видел... Вы, наверное, были где-то поблизости?..

– Что значит "только что"?

– Ну... минут десять назад.

– В это время я была в системе Центавра.

Она спятила от страха, – решил про себя фантаст. – Бедняжка! – Однако виду не подал.

– Ты ошибаешься, землянин. Помешательство тут ни при чем.

Она читает мои мысли! – ужаснулся писатель. – Впрочем, и это свидетельствует о том же: говорят, некоторые душевнобольные предрасположены к телепатии. В таком случае он должен быть снисходителен к ней.

– Вы хотите сказать, что вы – инопланетянка?

– Я это уже сказала.

– Гм... Вы из Центавра, конечно?

– Нет. Моя система находится значительно дальше.

– А как она называется: Вега, Сириус, Альдебаран, Орион, Плеяды, Туманность Андромеды?..

– Каваалаф.

– Где это?

– В совсем другой Вселенной. О ее существовании ваши ученые даже не подозревают.

– С вашим аппаратом, на котором вы прилетели, конечно, случилась авария, – усмехнулся фантаст, будучи уверенным, что последует утвердительный ответ, – и он взорвался в момент финиша? Так как же, я угадал, девушка?

– Нет.

– Тогда вы мне его покажете?

– Ничего такого, что ты имеешь в виду, у меня не было.

– А как же Каваалаф, что "в совсем другой Вселенной"? – весело съехидничал знаменитый писатель, полагая, что наконец-то припер к стенке липовую инопланетянку.

Но "липовая инопланетянка" не чувствовала себя припертой к какой бы то ни было стенке.

– Я была излучена одной из разновидностей электромагнитной субстанции, – сообщила она небрежно, словно речь шла о покрое заурядного платья, которого ей сейчас недоставало.

– Что это такое? – осведомился фантаст.

– Состояние материального вещества, которое мы именуем синтосинным эффектом.

Писатель озадаченно помолчал некоторое время.

И вовсе она не помешанная, эта Ева, которой для полного сходства с прародительницей человечества не хватает лишь фигового листа и могучих рубенсовских бедер, – отметил он про себя. – Скорее всего – это одна из моих особенно настойчивых поклонниц.

А вслух сказал:

– На этом самом месте, где мы с вами столь мило беседуем, только что стоял огромный столетний дуб. Горсточка пепла и несколько дымящихся головешек – это все, что осталось от древесного великана. Чем вы объясните эту метаморфозу?

Женщина не заставила себя долго ждать с ответом.

– Финишный стопор синтосинного эффекта – наиболее надежного способа перемещения биологических тел в пространстве, – как правило, сопровождается небольшим энергетическим разрядом, способным причинить некоторые местные опустошения.

– У вас, девушка, завидное воображение...

– Речь идет об ординарном будничном акте.

Писатель перекосил рот, с трудом подавляя зевоту.

Похоже, сказка не имеет конца, – подумал он с раздражением; сам, будучи большим мастером рассказывать небылицы, он не любил выслушивать их от других.

– Скорее всего, эти "опустошения" произошли в результате падения болида, – решительно возразил он. – Тем более что ожидается массовый выпад Леонидов...

Между тем наступил вечер. Солнце внезапно исчезло за горизонтом, словно желтая монета в прорези тотализатора. Длинные тени от деревьев выросли в голубоватые сумерки. Свежесть, что напоминала о заморозках, стала еще более ощутимой. Писатель слегка поежился.

– Простите, девушка?! – спохватился он, торопливо стягивая с себя плащ. – Вот недотепа!.. И вы тоже хороши... Так и воспаление подхватить недолго...

Женщина этот несколько запоздалый жест заботы о себе приняла как должное.

– Ну ничего, сейчас вы согреетесь в два счета, – пообещал известный фантаст, когда они вошли в ранчо. – Отведайте коньячку, – засуетился он, усадив гостью в глубокое кресло подле журнального столика. – Это отличное средство от простуды. На здоровье...

Но женщина от коньяка отказалась. Отмахнулась она и от холодных закусок, которые предложил ей гостеприимный хозяин.

– Что ж, настаивать не стану, – уступчиво сказал он. – Тогда – в постель! – добавил он тоном, не допускающим возражений. – Вот так. Теплое верблюжье одеяло тоже многого стоит; иногда оно полезнее хорошего вина. Отдыхайте, девушка. А я пойду поработаю. Писатели... эээ... они не принадлежат себе...

Через час-полтора фантаст вернулся в спальню.

– Как твоя работа? – встретила его гостья.

– Не сдвинулась с места.

– Что так?

– Столкнулся с взаимоисключающими противоречиями, которые никак не мог преодолеть.

– Именно?

– Видите ли... Согласно замыслу моей новеллы на Землю вторгаются самки из какого-то экспансивного недоброго мира. Это клювастые, членистоногие чудовища с фасеточными, похожими на мозаику глазами. С помощью острого, как меч, яйцеклада химеры вспарывают одиноким

мужчинам животы, забираясь к ним в постели на правах любовниц, и откладывают яйца... Тут-то вот и загвоздка...

– Я ничего невозможного здесь не вижу.

– Ну как же... Для того, чтобы оболыстить убежденного холостяка, существо крайне привередливое, инопланетянка должна обладать, прежде всего, привлекательной внешностью... – безнадежно объяснил фантаст.

Женщина очаровательно улыбнулась.

– Ну и пусть себе обладает.

– А как же химерическая физиономия?

– Ее легко устранить при помощи образной телепатии. Другими словами, используя принцип телепатической проекции, чудовище может принять внешность, соответствующую представлениям о красоте того, кому оно надумало понравиться.

Фантаст мгновенно воспрянул духом.

– Вы спасли мою новеллу! – воскликнул он голосом утопающего, которого вытащили из омута на берег. – Так я и сделаю. – Он помолчал. – Вы умная девушка, – добавил он, решив, что женщина заслуживает комплимента. – И красивая. – Он присел на краешек кровати. – А ваши как дела? Согрелись? Вот и прекрасно... Меня тоже что-то знобит немного... – Его лысина густо покраснела. – Если вы не возражаете...

Она не возражала.

Хозяин ранчо смущенно улыбнулся.

Стянув с себя полосатую пижаму, он не спеша и деловито повесил ее на спинку ближайшего стула, шлепанцы поставил так, чтобы при надобности можно было влезть в них прямо с кровати...

И тут начало происходить с ним нечто странное и необъяснимое... Сперва это случилось с пижамой, со стулом и шлепанцами; постижимым образом они вдруг превратились в тончайшее платье, редкой работы кресло, изящнейшие туфельки, усыпанные алмазами и рубинами. Внезапно пришло ему в голову, что все это – его вещи, что он – царская невеста, готовящаяся к первой брачной ночи. Зеркало подтверждает его догадку: перед ним статная писаная красавица с черными длинными волосами, осиной талией и маленькими ножками; там же, на амальгаме, были отражены тяжелый балдахин и широкое ложе, на котором возлежал прекрасный юноша, томящийся в ожидании новобрачной.

Царская невеста оборачивается назад и действительно видит балдахин, ложе и скучающего аполлона; затем она с решимостью отчаявшегося человека бросается в жениховы объятия: уж если невозможно обойтись без этой злополучной ночи, тогда пусть она наступит быстрее...

Тотчас последовал сокрушительный удар в живот. Прежде чем навсегда погрузиться в небытие, писатель-фантаст испытал один из тех смертных ужасов, коими будущий покойник так любил припугнуть своих ни в чем не повинных читателей, – он видит истинное лицо

инопланетянки, в чьё существование до сего рокового мгновения отказывался поверить: из глубины очаровательной маски, исполненной с помощью образной телепатии, на него враждебно и холодно смотрело членистоногое клювастое чудовище...

1973

Рис. П.Бурмина «Мистерия»

Мир полисенсов

Печать Венеры

Медиум Иван Иванович Чашников, известный в кругах спиритов и представителей потустороннего мира как Филодор, в последнее время испытывал катастрофический недостаток в клиентах; их перестали удовлетворять бесплотные голоса усопших родственников, что он извлекал из собственного чрева, и голографические фантомы, которых он создавал с помощью хитроумной оптической аппаратуры. Он же в крахе своей фирмы, будучи недостаточно объективным, обвинял овцу Долли и того, кто воспроизвел ее путем клонирования: теперь всякий, кому дорог усопший, мог заказать себе добротного клона из крови и плоти.

Словом, к чудодейственной теургии интерес все более падал, а с ним – и его доходы.

Может быть, вернуться к не раз оправдавшей себя лечебной магии или к гаданию на картах, чтобы как-то поправить финансы?

Чашников был человек лет шестидесяти, среднего роста, брюнет, о чем свидетельствовали карие глаза и черные брови (остатки белых волос, сохранившихся на голове, могли принадлежать как брюнету, так и блондину). Несмотря на полноту он не производил впечатление здоровяка – опущенные плечи, вялая походка, серое одутловатое лицо со следами склеротических сосудов... Стало быть, его самого лечебная магия не исцелила.

– Довольно лжи и шарлатанства! – сказал он себе самому тоном обвинительного приговора, не подлежавшего обжалованию.

Воодушевленный тем, что одолел свои многолетние заблуждения, расправил узкие плечи и бойко зашагал по комнате, аккуратно обходя круглый стол, на коем стоял серебряный таз с застывшим воском; он чувствовал себя путником, благополучно выбравшимся из топи. У него явно было что-то в проекте, если он столь легко расстался с тем, что его кормило до сего времени. Итак, с оккультизмом покончено, далее размышлял он. Теперь дам объявление в газету... э-э-э... следующего содержания: «Приглашаются экстрасенсы... во вновь созданную клинику по лечению... психосоматических синдромов...» Что еще? Разумеется номер телефона, адрес... моего загородного дома.

Сформулировав объявление, Филодор принялся обдумывать, где и сколько поставить коек, какой персонал ему нужен – экстрасенсы с медицинским образованием или достаточно их лечебной ориентации?

Кто предпочтителен, если будет выбор?.. Тут он краем глаза увидел молодого человека, смиренно стоящего у порога.

Парень был высок ростом, широкоплеч, под темно-синим костюмом угадывалось тело атлета; на нем были лакированные полуботинки, белоснежная сорочка с галстуком-бабочкой.

– Добрый день, Иван Иванович. Я прибыл по вашему объявлению, – объяснил он, едва заметно кивнув аккуратно постриженной головой ярко-выраженного блондина.

Хозяин загородного дома недоуменно пожал плечами, явно сбитый с толку. Однако не на столько, чтобы лишиться дара речи.

– О каком объявлении вы говорите, молодой человек? Э-э-э... я только что подумал...

Незнакомец сдержанно улыбнулся.

– Я же экстрасенс, – объяснил он тоном непризнанного гения, – я знал о вашем объявлении еще вчера вечером, заглянув любопытства ради в сегодняшней полдень.

– Да, конечно... – пробормотал Иван Иванович, соглашаясь. – Но мне требуются целители, а не телепаты и путешественники во времени, подобно вам...

– Я еще и левитирую...

– Прекрасно, но...

– Кроме того, я знаком с полисенсом, который называет себя Мафусаилом...

– «Полисенс» – это тот же экстрасенс, только обладающий многими неординарными парапсихологическими свойствами? – уточнил Филидор. – И вы, надо полагать, из их числа? – Он помолчал. Не дождавшись подтверждения, продолжил: – Вы рекомендуете мне экстрасенса по имени Мафусаил... Не тот ли это патриарх... который...

– Все может быть... – уклончиво ответил гость. – Так вот, этот самый Мафусаил способен на чудеса... в смысле неформального врачевания.

– Проходите, молодой человек, – пригласил Филидор. – Вас самого-то как называть изволите? Давайте знакомиться.

– Лион Порфирьевич Савелов. Зовите просто Лионом, – представился парень, подавая левую руку и пряча правую.

Чашников это заметил.

– Что у вас с правой рукой, Лион? – осведомился он. – Не оружие ли вы прячете?

Парень разжал кулак, демонстрируя ладонь, в которой зияло аккуратно сквозное отверстие миллиметров двадцати в диаметре.

– Печать Сатаны?! – ахнул хозяин спиритического кабинета.

Молодой человек снисходительно усмехнулся и сел на один из табуретов, составлявших не слишком богатую меблировку гостиной; кроме упомянутого стола в простенке между двух окон стояло старинное трюмо с потемневшей от времени амальгамой. С правой стороны от

входа находилась жесткая спартанская кушетка. Над дверью, ведущей в следующее помещение, крест-накрест висели два больших меча, именуемых эспадонами.

– В моем случае мистика ни при чем, – заверил Лион, задумчиво глядя в глаза Чашникову.

– Что же это?

– Печать... – сказала молодая женщина, появляясь в проеме двери, открытой настежь по случаю весенней оттепели.

– Стало быть, я прав...

– Печать... Венеры.

– Спасибо за объяснение, девушка, – поблагодарил Иван Иванович, с явным интересом разглядывая новую гостью. – Вы тоже экстрасенс? Или моя клиентка, которая надумала пообщаться с потусторонними духами с моей помощью? – Взволнованный, он присел на кушетку.

– Ни то и ни другое.

– Это моя подруга и сослуживица Мара, – выручил девушку молодой человек. – Извините, что у вас в доме я назначил ей свидание.

– Не завидую вашей подруге и сослуживцам, Лион, – съязвил Филодор, намекая на его способность читать чужие мысли, судя по всему раздосадованный потерей клиента. – Венера в древнеримской мифологии – богиня красоты и любви, – продолжил он, успокоившись. – Ее же имя носит и вторая планета Солнечной системы. Чью печать вы носите, Лион?

– Этой печатью я обязан той и другой Венерам, – ответил парень, со смущенной улыбкой оглянувшись на подругу, сидящую с ним рядом.

Иван Иванович поднялся с кушетки и снова зашагал по комнате, явно заинтригованный историей.

– Я вас слушаю, молодой человек, – подтолкнул он замешкавшегося экстрасенса. – Вы предложили мне игру; извольте объяснить ее правила. Жизнь – игра случаев...

Парень неопределенно пожал плечами.

– Вы хотите сказать, что на сцене жизни играют случаи, а люди сидят в партере и сетуют на свои злые судьбы? – уточнил он. – Разумеется, есть такие... Что касается меня, то я всякий случай заставляю работать в моих интересах...

– Но это не всегда тебе удастся, верно, Лион? – мягко вставила девушка.

– Ты имеешь в виду мою неудачную охоту за звездами?..

– Как насчет «Печати Венеры»? – напомнил Филодор, останавливаясь напротив парня.

– В прошлом году мы с Марой отдыхали за городом после трудов праведных, наслаждаясь благодатью, дарованной серединой лета, – продолжал молодой человек несколько витиевато. – Время было за

полночь, мы сидели у входа в палатку и слушали мажорное стрекотание кузнечиков...

– Насколько я помню, мы слушали только друг друга, – поправила девушка. – Главным образом – я Лиона; он, как все влюбленные на свете, взамен моей благосклонности обещал мне золотые горы и... банальную звезду в придачу; и последняя, как назло, подвернулась ему под руку. Разумеется, речь идет о метеорите... вернее метеоре, который прилетел не то из созвездия Девы, не то еще откуда... а скорее всего это был посланец планеты Венеры, отправленный ею с помощью одного из ее многочисленных вулканов. Сама она ревниво наблюдала за нами, нарядившись в вечернее платье, и призывно мерцала... Я, конечно, не верила ни единому его слову. Особенно – тому, что он достанет для меня звезду с неба. Мало ли что наобещает парень, возбужденный поцелуями? И тотчас пожалела, когда мой кавалер выскользнул из моих объятий...

– Я и сам себе не поверил, – признался молодой человек. – Я способен читать мысли другого человека, заглянуть в недалекое будущее. Но не подозревал о своем таланте перемещаться в пространстве...

– Экстрасенсы непредсказуемы для окружающих и для самих себя – тоже, – перебивая Лиона, Филидор высказал мысль, пришедшую ему в голову.

– ...притом со скоростью... я бы сказал, некоего неосознанного волевого импульса, – закончил фразу молодой человек.

– Это что-то новое в физике скоростей, – усмехнулся Иван Иванович. – Нам известно количество километров, которые преодолевает свет за одну секунду; от ближайшей звезды – я имею в виду Проксиму Центавра – до нас с вами он летит более четырех лет. Сколько же времени понадобится вашему «импульсу», чтобы справиться с этим расстоянием?

– Я полагаю, не более мгновения...

– Да, вернулся он почти тотчас, – подтвердила девушка. – Вернулся с убедительным аргументом на ладони: блуждающий камешек, разогревшийся в атмосфере до яркого свечения, прожег ее насквозь и упал на Землю в виде горстки заурядного пепла. Впрочем, «звезда» Лиона находилась значительно ближе, чем Проксима Центавра...

– Ты права, Мара. Тогда это небесное тело представлялось мне звездой первой величины, которую я пообещал тебе в подарок, – невесело согласился парень.

– Будем считать, милый, – сказала девушка в виде утешения, – что ты свое обещание выполнил – достал мне звезду с неба. Что же касается золотых гор... ты сам – чистое золото.

3.02.2004

Абсолютное врачевание

Попрощавшись с молодыми людьми, Чашников в раздумии постоял у двери, над притолокой которой висели скрещенные устрашающие мечи,

именуемые эспадонами; толкнул ее; хорошо смазанная, она отворилась без скрипа.

Задняя комната была значительно обширнее передней и обставлена более современно; кроме обычного набора мебели – дивана, двух кроватей, письменного стола, книжного шкафа – в ней стояло и лежало множество аппаратов неизвестного назначения, компьютер и плоский телевизор с большим экраном. Стены были задрапированы светлой материей. Посредине потолка висела хрустальная люстра с тремя рожками. В открытое окно, находящееся слева, заглядывала ветка цветущей сирени. Справа – еще две двери: они вели – одна в кухню с газовой плитой, с колонкой и водяным насосом, другая – в совмещенный санузел.

На одной из кроватей лежала немолодая женщина, разметав по подушке седые волосы; судя по ее бледному осунувшемуся лицу, она доживала время, отпущенное ей какой-то неизлечимой болезнью.

Иван Иванович подошел к постели больной жены, наклонился над ее изголовьем, чтобы убедиться, спит она или бодрствует, хотя и знал, что в последнее время сон ей заказан – ни снотворное, ни транквилизаторы на нее не действовали.

– Тебе что-нибудь нужно, Лиза? – спросил он по обыкновению ровным бодрым голосом.

Женщина открыла на редкость ясные глаза – единственное место на лице, которое пощадили недуги, – и тихо, словно шелест осенних листьев под ногами малыша, промолвила:

– Того же, что и тебе, Ваня, – здоровья...

– Сегодня ты выглядишь, судя по твоим блестящим глазам, заметно лучше, – игнорируя реплику жены, слукавил Иван Иванович. – Глаза – не только зеркало души, как принято считать, но и верный показатель физического здоровья. Забудь про жестокий приговор провинциальных эскулапов... Кризис миновал, и ты идешь на поправку...

– Ваш супруг прав, Елизавета Елизаровна, – отозвался кто-то третий, находящийся за спиной хозяина. – Я охотно присоединяюсь к его оптимистическому прогнозу.

Филодор обернулся. Перед ним стоял незнакомец лет тридцати пяти; возможно, ему было сорок, но его цветущая молодость столько дать не позволяла. Он был невелик ростом – едва дотягивал до среднего, зато его череп, поросший густым черным волосом, был значительно крупнее, чем у средне-статистического человека. Он был в желтых шортах, зеленой сетчатой футболке и в пробковых сандалиях на босу ногу.

– Простите, пожалуйста, что вошел без стука, – извинился он, поклонившись вместо приветствия.

– Вы, должно быть, тот самый Мафусаил, которого только что рекомендовал мне Лион в качестве искусного целителя? – предположил Чашников, справившись с оторопью.

– Он самый, Иван Иванович.

– Я разве назвал вам свое имя?

– Сам догадался. Где мы можем поговорить с вами тет-а-тет, Иван Иванович?

Чашников кивнул на дверь, ведущую в гостиную.

– С точки зрения ортодоксальной медицины, ваша супруга безнадежна, – начал Мафусаил, когда мужчины уединились в гостиной. – Кризис, вопреки вашим заверениям, к сожалению, впереди, и он трансформируется в кому, которая закончится летальным исходом. Но надежда на спасение есть; она в руках вашего покорного слуги. – Он помолчал. – Единственное, что поставит ее на ноги, это хирургическое вмешательство. Мое хирургическое вмешательство, – подчеркнул он, – которое осуществляется не с помощью скальпеля и трепана, а мировой энергетикой, направленной моей волей. Эту операцию я называю бесконтактной хирургией, осуществляемой на клеточном уровне по принципу дезинтеграция-интеграция. – Он снова помолчал. – Прежде чем приступить к делу, я напому вам кое-какие биологические истины, – продолжал он. – На заре эволюции первыми появились одноклеточные живые существа. Позже те же первичные структуры в интересах выживания объединились в колонии в виде многоклеточных животных и человека; благодаря совместному существованию они специализировались для выполнения различных функций: одни превратились в кости, мышцы, кожу, волосы, кровь, другие – в нейроны, нервную ткань и так далее. Стало быть, животные и мы с вами, Иван Иванович, есть агрегаты хорошо отлаженных узлов. «Хорошо отлаженных» до поры до времени, пока в нашем агрегате что-нибудь не испортится... Речь идет о клетках, которые постоянно подвергаются атаке инородных тел. Тогда иммунная система отказывает. В результате – человек ложится в кровать и ждет смерти, подобно вашей супруге...

– Я все понял, Мафусаил, – прервал затянувшуюся лекцию Чашников. – Свой дезинтегрально-интегральный метод вы на ком-нибудь испробовали?

– Да, конечно. В первую очередь – на самом себе. И неоднократно.

– Кстати, именем библейского патриарха вы названы при рождении? – осведомился Чашников.

– Нет. Значительно позднее. Мафусаилом назвали меня друзья за мое необычное, с их точки зрения, долголетие.

– Но вы слишком молодо выглядите...

– Мой «метод», как вы выразились, молодит. Нас старят не годы, а недуги, сопутствующие им.

– Простите за неуместные вопросы, напоминающие допрос с пристрастием. Сколько же вам лет?

– Я родился на Руси в канун ее крещения. Еще вас интересует, почему я столь легко одет и почти бос?

– Вы угадали...

– Для того, чтобы быть во всеоружии, подобно древнегреческому герою Антею, мне нужен постоянный контакт с Геей, то есть с Землей-матушкой; по пути к вам она щедро одарила меня целебной силой, которой я сейчас и поделюсь с вашей супругой. Теперь, не мешкая, проводите меня к ней, Иван Иванович, – распорядился бесконтактный хирург.

С этими словами он подошел к кровати и неподвижно застыл на одном месте; его волосы вздыбились; в воздухе возникло напряжение, подобное тому, что мы ощущаем вблизи мощного электрического магнита.

Тело больной тотчас покраснело, точно с него содрали кожу; спустя мгновение оно рассыпалось на мельчайшие фрагменты и образовало облако; сквозь розовый полупрозрачный туман были видны белый скелет и голый череп с пустыми глазницами.

Чашников, наблюдавший за чередой ужасающих метаморфоз жены, пришел в неопишемую ярость, начисто позабыв об исцелении и о том, что на свете существуют гостеприимство и вежливость; онемев от ужаса, он замахнулся на экстрасенса. К счастью, его удар не достиг цели: в этот момент разгневанный супруг на месте груды костей увидел мирно спящую женщину... с которой он когда-то познакомился на вечеринке, будучи семинаристом... Бог знает, сколько времени с той поры миновало!..

– Хотите вы того или нет, Иван Иванович, но вам тоже придется пройти эту роковую процедуру, – промолвил Мафусаил, приглаживая обеими руками вздыбленные волосы. – Иначе – эта красавица близко вас к себе не подпустит, когда проснется...

21.02.2004

Синдром «Шагреновой кожи»

Был полдень следующего дня, а Елизавета Елизаровна все не вставала с постели, не смея поверить тому, что она совершенно здорова; она полной грудью вдыхала свежий воздух с ароматом сирени, идущий все еще в открытое окно, и то и дело трогала обеими руками свои пышные каштановые волосы.

В свое время она окончила физико-математический факультет университета. Но все равно не была уверена, чем отличается человек от землеройки. Между тем они, эти различия, несомненно существуют, судя непознанным экстрасенсорным явлениям, свойственным хомо сапиенсам.

Она редко бывала в церкви, только по большим религиозным праздникам; на этом основании считала себя великой грешницей. В чудеса и вовсе не верила; теперь, когда одно из них свалилось ей на голову, она была в смятении – не знала, радоваться или огорчаться...

Мафусаил сидел на табурете в комнате для посетителей и задумчиво наблюдал за Филодором, который стоял перед зеркалом и тоже не верил собственным глазам, видя на амальгаме свою давно забытую молодость; вчерашняя одежда висела на нем, как балахон на привидении.

Наконец Иван Иванович повернулся к человеку, совершившему чудо с его персоной.

– У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность, – сказал он сдержанно. И, помолчав, добавил: – Будем считать, что вы блестяще показали себя в период испытательного срока. Иначе говоря, я зачисляю вас в свою... э-э-э... клинику... э-э-э... бесконтактной хирургии; пока мы устроим ее в помещениях, какие имеем. А позднее, когда у нас появятся деньги, много денег – пациенты, обреченные на смерть и воскрешенные чудесным образом, не пожалеют своих сбережений – мы построим здание, специально предназначенное для этой цели...

– Любезный Иван Иванович, – отозвался полисенс. – Вы слишком много надежд возлагаете на мое скромное искусство врачевания; оно не обещает нам с вами богатства, о котором вы мечтаете. Мечта – основной двигатель человеческого прогресса, но только в том случае, когда она бескорыстна.

Чашников потоптался на одном месте и, недобро сверкнув глазами, насмешливо осведомился:

– Вы что, бессребреник? Столь много даете людям и ничего не берете взамен?

– Мне достаточно благодарности: она радует мне душу и не оттягивает плечи, подобно слиткам золота, – простодушно объяснил экстрасенс. – Кроме того, нуждаются в радикальном исцелении, как правило, люди неимущие, с которых взять нечего. Богатые же благодаря деньгам и дорогим импортным лекарствам обойдутся без моего вмешательства.

– Вы не правы, Мафусаил, – возразил бывший медиум. – Вам есть, что предложить и господам олигархам; они тоже смертные, а не боги, хоть и жрут в три горла амброзию.

– Что именно?

– Вторую жизнь... которую вы нам с Лизой подарили и которая стоит больших денег. Будьте уверены, эти господа не поспусят на вознаграждение...

– Меня не интересуют вознаграждения этой категории людей; ценности, которыми они обладают, добыты путем грабежа и насилия. Во второй жизни они будут делать то, что делали в первой. И я, взяв у них мзду, стал бы соучастником их преступлений, несовместимых с честью настоящего врачевателя.

– Но за все полагается платить, – напомнил Чашников. – Чем вы платите за свою гордыню?

– Своевременный вопрос, – одобрительно кивнул Мафусаил. – Тем, что после каждой операции я сокращаюсь в объеме и уменьшаюсь в массе, подобно *шагреновой коже* известного французского писателя. В пору моей первой молодости я был в полтора раза крупнее. Если я буду изо дня в день исцелять больных с помощью бесконтактной хирургии, то наступит момент, когда придется вам рассматривать меня в оптический инструмент, именуемый микроскопом. При каждой операции я отдаю частичку своей души и тела. Вы разочарованы?

– Что вы имеете в виду?

– Деньги, разумеется.

– Напротив, дорогой Мафусаил, – горячо заверил хозяин загородного дома. – Вы нам с Лизой подарили сокровища, которые дороже всякого капитала...

– О каких сокровищах ты говоришь, Ваня? – уточнила Елизавета Елизаровна, появляясь в дверном проеме. Мужчины повернули головы в ее сторону и захлопали глазами, ослепленные красотой и свежестью молодой женщины; такой красавицей, насколько помнит Филидор, она не была даже в юности.

– Речь идет о нашем здоровье и новой молодости, Елизавета, – объяснил супруг.

Женщина убрала с глаз прядь волос и невесело улыбнулась; было похоже, что она отнюдь не разделяла восторгов мужа.

– Я не возражаю против здоровья, – сказала она, бросив благодарный взгляд в сторону Мафусаила. – Меня повергает в ужас то, что я снова выгляжу девчонкой!..

– Молодость есть следствие идеального здоровья, – изрек полисенс. – И наоборот.

– Что я скажу соседям при встрече? Как объясню внучке, почему выгляжу моложе ее? – продолжала Елизавета Елизаровна тоном глубоко несчастного человека; ее прекрасные глаза обильно омывали слезы. – Да, я восстала, как феникс из пепла, тело мое молодо и красиво. Но духовно я осталась той же мещанкой, какой была до этого чудовищного вмешательства!.. К своему закату я была подготовлена каждым днем, каждым часом, каждым мгновением жизни... Неважно, сколько человек прожил, главное то, что он успел сделать. Я исполнила все, что мне было предназначено обществом, природой и богом – была невестой, женой и матерью. В повторении пройденного пути нет будущего. Там, где нет будущего, нет и не может быть и жизни... – говоря это, она подняла руки к мечам, именуемым эспадонами, и, судя по ее последним словам, было легко догадаться, с какой целью.

– Елизавета Елизаровна, вы носите в себе ребенка, – быстро, чтобы опередить трагическую развязку, проговорил врачеватель. – Стало быть,

ваш путь в этом мире далеко не пройден. – И услышал тяжелый звон старинного холодного оружия, упавшего на пол.

29.02.2004

Звезда, упавшая в небо

После окончания Летной академии Лион был направлен в ту же эскадрилью, где проходил практику; летал на реактивных самолетах. Спустя два года его нашел Генеральный конструктор и пригласил в Отряд космонавтов. Так он попал в коллектив исследователей космоса.

С Марой он познакомился в тренажерном зале; случайно или намеренно – только один рок знает – они оказались рядом, разговорились, с интересом наблюдая, как со все увеличивающейся скоростью мелькал рычаг центрифуги, неся в люльке будущего космонавта, и ожидали своей очереди. Затем повезли их на аэродром; набрав необходимую высоту и скорость, пилот устроил им так называемую «параболическую горку», искусственно воссоздающую состояние невесомости.

С тех пор почти все время, свободное от тренировок и специальной учебы, Мара и Лион проводили вместе.

Вскоре их начали готовить для полета на орбитальную станцию, чтобы сменить работающих на ней товарищей. В запланированный срок корабль ушел в космос, унося Мару и... его дублера. Лион был забракован Государственной комиссией по причине, уже известной читателю. Лион попросился в стартовую команду, снаряжающую космические корабли. Его оставили при космодроме... только в качестве дворника. Мара то и дело летала в небо, а он, опаленный «звездой», был вынужден ползать по земле...

Но его неприятности на этом не закончились; очередная из них на него обрушилась при последней встрече, когда от любимой им девушки повеяло космическим холодом. Он осведомился, в чем дело? Она промолчала и, сославшись на какие-то дела, ушла, не прощаясь. Неделию спустя он услышал о ее помолвке с напарником по первому полету.

«Все правильно. Зачем ей нужен калека?! – в запальчивости подумал он. Но, поостыв, рассудил справедливости ради: – Дело не в том, что я увечный. Женщины способны на жертвы, когда любят...»

Лион взял расчет и навсегда ушел с космодрома, где Фортуна вместо приветливой улыбки показала ему отвратительную гримасу.

По пути в родную деревню, в которой молодой человек намеревался некоторое время пожить, чтобы поразмыслить о будущем, залечивая свои душевные раны, он посетил эскадрилью, ставшую ему в некотором роде стартовой площадкой. Начальник не увидел в нем изъяна и готов «посадить на крыло», как он выразился, хоть сию минуту. Этот визит его немного успокоил, однако не на столько, чтобы вытеснить из его сердца потери, понесенные им в последнее время.

Лион сел на поезд – левитацией он пользовался только в исключительных ситуациях, – который доставил его в районный городок, находящийся в семидесяти километрах от села, где он родился, вырос и жил, пока не поступил в Летнюю академию.

Выйдя из автобуса, на котором преодолел остаток дороги, среди женщин, торгующих дарами огорода, он увидел бабу Полю – мамину подругу и соседку. Он решил, что обознался, и прошел мимо: наряду с прочими деревенскими новостями отец в последнем письме сообщал еще и о том, что она отдала богу душу.

При встрече с родителями он высказал удивление, что видел на остановке старушку, поразительно похожую на их общую знакомую.

Родители заговорщески переглянулись.

– Полину-то ты и видел, сынок, – промолвил отец, сидя за столом и разливая какое-то розовое вино по стаканам.

– Как так?! – удивился Лион, сбитый с толку. – Не ты ли мне писал, папа?..

– Правду писал, – подтвердил старик. – Скоропостижно скончалась бабка. Врачи констатировали... Все честь по чести...

– Вот как дело-то было, – отозвалась хозяйка, моложавая старушка лет шестидесяти с неправдоподобно голубыми глазами. – Нынешней весной ее схоронили... Как на грех, меня дома не было – уезжала в район к Настасье, чтобы повидать внуков. Только когда вернулась, услышала печальную новость. Нарвала астр и первым делом пошла навестить подругу. Нашла новый крест с ее именем, преклонила колени... Тут-то опалила меня мысль ясновидящая: а ведь Полину-то живьем уложили в могилу!.. Не мешкая, в деревню бросилась, подняла мужиков с лопатами – поверили мне, выкопали. Из гроба на кровать положили, все еще ни живую, ни мертвую. Врачей вызвали: три дня отваживались. На четвертый – она открыла глаза и позвала «маму»... Какая мама? Матери-то отродясь у нее не было. Была тетка, которая ее породила да на порог детского дома подкинула...

«Вот откуда у меня аномалии», – со странным облегчением подумал молодой человек: по-видимому, до сих пор он чувствовал себя неким уродом в собственном племени.

Поблагодарил мать за угощение, вышел во двор, взял косу и присоединился к отцу, который выкашивал траву у подножия горы, именуемой Филиновкой, подступающей к их усадьбе.

Речь идет об отроге горного кряжа, простирающегося с востока на запад по южной окраине деревни. Некогда на нем росли вековые лиственницы и обитала разная живность, в том числе ухающие по ночам филины – отсюда и пошло, стало быть, его название. Теперь отрогом завладели сороки, гнездящиеся на немногих березах.

Начали сгущаться сумерки, когда отец и сын перестали махать косами. Трава повлажнела от росы. Первая летучая мышь перечеркнула небо, порозовевшее на западе.

– Папа, ты иди в дом, а я слажу на Филиновку, как бывало в детстве, – предложил несостоявшийся космонавт, вытирая пучком разнотравья лезвие инструмента. – А может быть, составишь мне компанию? Ты еще, слава богу, при силе, как я погляжу...

– А что, могу и составить, – ответил польщенный старик. – Тропинка, что ведет на гору, мной протоптана: наверху у меня несколько копешек – я их наскреб намедни... Что с тобой, сынок?! Куда ты?!

Отлетав свое время, Мара отшвартовалась от орбитальной станции. Тотчас произошел отстрел крышки катапультного люка. Но система парашютной автоматики не сработала. Теплозащитное покрытие накалялось, вызывая яркое свечение воздуха, омывающее спусковую капсулу. Девушка была обречена; она неминуемо сгорит в активной зоне атмосферы...

Трагическую ситуацию, произошедшую с его любимой женщиной, Лион увидел, разумеется не визуально, а внутренним взором и, не теряя ни мгновения, бросился ей на помощь...

Астроном, наблюдавший за небом из ближайшей обсерватории, в восторге заорал: «Эврика!»; он стал свидетелем необычайного явления: звезда падала не на Землю, а в небо!..

Священник и молодой монах вышли из монастыря, чтобы подышать свежим воздухом перед всеобщей.

– Что это, отец Авеналий! – воскликнул послушник, обратив лицо к небу.

– Светоносный Ормузд прогоняет прочь Аримана – олицетворение злого начала, – крестясь, ответил старый человек в сутане.

11.03.2004

Дитя-феномен

От мысли устроить в своем доме лечебницу Чашников не отказался, только несколько изменил ее название. Объявление в местную газету на этот раз было изложено следующим образом: «Диагностика запущенных болезней и их успешное лечение».

– Вы, видящий насквозь человека, будете информировать меня о его недугах, а я, не понаслышке знающий, что такое фармакогнозия и фармакотерапия, стану изгонять их из тела страждущих, – полушутя-полусерьезно объяснил он, обращаясь к Мафусаилу.

– А как насчет бесконтактной хирургии, Иван Иванович? – осведомился полисенс.

– Ее исключим из врачебной практики... поскольку она осуществляется во вред вашему драгоценному здоровью. – Это было сказано вполне серьезно. – Что я буду делать, когда вы уменьшитесь до сказочного гнома, а то и до объекта на предметном столе микроскопа?

Мафусаил усмехнулся, представив себя ничтожной амебой в капельке воды.

– Меня не убудет, если я избавлю от неминуемой смерти одного-другого толстосума, – заверил он.

– Почему именно «толстосума»? – осведомился Филидор и, крайне озадаченный, обратил бессмысленный взор на собеседника.

– Потому что, в свою очередь, он нам с вами поможет...

– Что вы имеете в виду?

– Что с вами, Иван Иванович? До омоложения вы были значительно сообразительней, – упрекнул бесконтактный хирург своего шефа, – поможет в обмен на долгую жизнь, на долгое и здоровое существование построить нам клинику.

В свой черед и в свое время у супругов Чашниковых родилась дочь (в первой молодости у них был сын, теперь уже взрослый мужчина), которая что ни день преподносила родителям загадку за загадкой. Родившись крошечным комочком живой плоти, спустя три месяца она набрала вес пятилетнего ребенка и... встала на ноги! Между тем малышка отнюдь не высказывала особого аппетита, довольствуясь грудью матери. От патентованного детского питания, которым пытались ее подкормить, она брезгливо отворачивалась. Единственное, что она охотно принимала, это чистую воду и... дышала воздухом, как все нормальные люди. Разумеется, Елизавета Елизаровна переживала, что ее малышка отказывалась от добавочного питания. Но утешалась тем, что она выглядела далеко не заморышем. Больше молодую маму беспокоило то, что ребенок растет не по дням, а по часам, как в сказках говорится, в чем она усматривала нездоровую аномалию.

Впрочем, на то и мать, чтобы по поводу и без повода беспокоиться за свое чадо.

Кроме того, Мантисса* (так малышку назвала мать-математик, видя в ней прибавление в семействе), не произносившая ни звука до поры до времени, что тоже пугало Елизавету Елизаровну (не глуха ли она, часом) вдруг заговорила, вернее, что-то возбужденно залепетала, вопрошающе заглядывая в глаза матери, сидящей на кровати; черные волосы ребенка встали дыбом, как у испуганной кошки, зеленые глаза округлились, лицо побледнело. Женщина в ответ беспомощно всплеснула руками. Не добившись взаимопонимания у самого близкого человека, кроха

* Мантисса – математический термин: прибавка, добавление, дробная часть десятичного логарифма.

обратилась к отцу с тем же вопросом, выраженном на только ей понятном языке, и ткнула указательным пальчиком в сторону телевизионного приемника, на экране которого в этот момент двигалась военная техника Атики, попирая очередную автономию.

– Мы кстати и некстати говорим о том, что устами младенца глаголет истина, – заметил Иван Иванович, поднявшись с кресла. – Может быть, это тот самый случай, когда у ребенка, находящегося в наиболее тесном контакте с природой, нам, взрослым, стоит поучиться? Жаль, что мы не понимаем того, о чем лепечет Мантисса. Но, судя по выражению ее глаз и настойчивости, наверняка – нечто чрезвычайно важное для нее...

– И не только – для нее, – поправил Мафусаил. – Она видит мировое зло, к которому мы давно притерпелись...

– То есть видит сердцем, – подсказала молодая хозяйка. – Вернее – чуется сердцем, – уточнила она. – Как у Лермонтова в стихотворении «Славянка»: «Не плачь, не плачь, аль сердцем чуешь, дитя, ты близкую беду...»

– Какую еще беду?!. В таком-то возрасте?!. – воскликнул возмущенный Филидор. – Сердца не хватит, если будешь болью отзываться на каждую жертву кровожадного Агаша... Вон как прет, подлый... – кивнул он на телевизионный экран.

– Иди ко мне, Манти – мое нежданное-негаданное прибавление, – позвала Елизавета Елизаровна дочь.

Девочка боязливо оглянулась на телевизор, затем забралась на колени матери, крепко обвила ручонками ее шею, что-то бормоча, не то жалуясь, не то ища у нее защиту.

– Может быть, малышка прихворнула, а мы бог знает что про нее напридумали? – Помолчав, молодая мать обратилась к мужчинам с надеждой, звучащей в голосе.

Чашников повернулся к исцелителю с безмолвным, но достаточно выразительным вопросом: дескать, что думает по этому поводу специалист по диагностике?

– Трудно сказать, что обозначает лепет Мантиссы, – отозвался Мафусаил. – Что же касается ее хвори, тут вы, Елизавета Елизаровна, действительно «напридумали»: она совершенно здорова. Настолько здорова, что никто другой здоровее быть не может... ибо перед нами чудо-ребенок!..

Супруги Чашниковы буквально онемели от столь неожиданного заявления.

– В грудном молоке имеются все вещества, необходимые для питания ребенка; но их далеко недостаточно, чтобы насытить пятилетнего крепыша, каким выглядит ваша девочка, – продолжал бесконтактный хирург. – Ей нужна была дополнительная азотистая пища, и она ее получает... Обычный человек усваивает азот, поедая мясо животных и растения. Мантисса минует этих посредников; она берет азот из

свободного воздуха и с помощью неизвестного икс-фермента синтезирует белок, необходимый для ее организма. Берет ровно столько, сколько ей нужно.

28.03.2004

«Остров Святой Елены» на Марсе

Такие категории как добро и зло свойственны только человеку, поскольку наряду с подкоркой у него имеется еще и кора головного мозга, сформировавшаяся за период его разумного существования. В этот, так сказать, культурный слой вносит свою лепту каждое поколение, приумножая за счет своего опыта. Таким образом в духовном отношении дети наследуют то, что накопили их предки.

Мантисса – далеко не ординарная из детей – уже в три месяца ощущала разницу между плохим и хорошим, хотя и безотчетно. Будучи трех лет отроду, она точно знала что есть что и кто есть кто: особенно убедительно это было видно после одного случая, о котором мы расскажем ниже.

Некоторое время наша маленькая героиня ходила в детский сад, затем наотрез отказалась, заявив родителям, что «ей скучно со сверстниками». Однако без дела не сидела. Летом она ухаживала за цветами на клумбах, зимой, став на лыжи, каталась с ближайшего косогора в обществе более взрослых, чем она, ребяташек. В любое время года она охотно смотрела передачи телевидения или, уединившись в своей комнате на втором этаже загородного дома, не то читала, не то рисовала, не то записывала вполне зрелые стихи, которые сочиняла походя.

У предводителя дворянства (кстати, дворян в нынешней России стало значительно больше, чем когда-то способен был вместить обширный двор Российской империи) несмотря на усилия домашних врачей, слегла любимая теща от множества недугов, накопленных за долгую жизнь; прочитав в газете о частной клинике, в которой излечиваются запущенные болезни, он привез старушку по адресу, указанному в объявлении.

Разумеется, произошло чудо: немощная женщина не только выздоровела, но и помолодела... лет на двадцать-тридцать, что, между прочим, создало предводителю некоторые приятные сложности в семейной жизни; отныне он не был уверен, где супруга, а где теща, когда видел их вместе. Ходят слухи, что супруга приревновала его к матери и ушла из дому. Ему ничего не оставалось, как жениться на теще. Да, поди, сплетни все это? Злым языкам только дай повод...

В благодарность чудотворцам, будучи преуспевающим бизнесменом, – предводитель снимал жатву с двух крытых рынков и с дюжины бензоколонок, разбросанных по окраинам города, – рядом с загородным

домом Чашниковых по его указанию было возведено двухэтажное здание, которое в муниципальных отчетах именовалось городской поликлиникой. Впрочем, и тут он не остался внакладе.

В то утро, когда произошло упомянутое событие, Мантисса была явно не в своей тарелке – сосредоточенная и рассеянная одновременно, – она словно предчувствовала нечто недоброе, что вот-вот случится с ней и ее близкими, а то и со всем миром.

Итак, события стремительно разворачивались. Было утро. Начало лета. Двадцать первый век в христианском летоисчислении... Остальное хроникеры уточнить забыли. Выпив стакан минеральной воды, девушка села в кресло перед телевизором, ее родители и Мафусаил пили чай в передней комнате загородного дома (в двухэтажном здании еще наводила лоск бригада отделочников); никто из них не предполагал, что их покой будет нарушен незваными гостями.

Речь идет о двух мужчинах среднего роста и возраста: первый был в милицейской фуражке, но без мундира, у другого на голове ничего не было, зато на его плечах небрежно висела ряса, на которой лежала длиннющая, явно накладная бородача.

– Я – представитель закона, – отрекомендовался гость в форменной фуражке. – Со мной – отец Арефий, приходской священник. Кто из вас Чашников?

– Я вас слушаю, – отозвался Иван Иванович, рассматривая ранних визитеров.

– До нас дошли слухи, что вы занимаетесь незаконным бизнесом – лечите людей без разрешения Горздрава, – продолжал «представитель закона». – Предъявите лицензию, – потребовал он.

– Это известный лекарь от черной магии, – подсказал «батюшка». – В пандемониуме – доме Сатаны – не разживешься государственными документами, – и он хихикнул себе в бороду.

Филидор смекнул, что имеет дело с мелкими мошенниками, и деловито осведомился:

– Сколько вас устроит... после чего вы оставите нас в покое?

Мужчины многозначительно переглянулись; от алчности их лица побледнели.

– По миллиону долларов... на брата, – неуверенно сказал первый; другой кивнул, соглашаясь.

Чашников ошибся в оценке жуликов; они оказались далеко не «мелкими».

– Мама, папа, дядя Мафусаил, идите к телевизору, – позвала Мантисса из соседней комнаты. – Дебильный Агаш напал еще на одно государство. Но это его последний поход; я обещаю...

– Погоди, Манти, – отозвалась Елизавета Елизаровна наигранно бодрым голосом. – у нас гости...

Но малышку тон матери не обманул.

– Что нужно от нас этим людям? – осведомилась она, уже стоя на пороге и хмурия свой светлый лобик.

– Они вымогают у нас деньги... в количестве, каких мы отродясь не видели...

– Господа, – повернулась девчушка к рэкетирам, – идите прочь подобру-поздорову и забудьте дорогу к нашему дому.

Мантисса могла бы наказать вымогателей более сурово; но она обладала обостренным чувством справедливости и поступила с ними так, как они, по ее мнению, заслуживали.

«Господа» тотчас повернулись спинами к обитателям загородного дома и направились к выходу, недоуменно пожимая плечами и говоря между собою:

– Поп, ты не знаешь, что мы тут делаем?

– Представления не имею...

Избавившись таким образом от пришельцев криминального мира, герои нашего повествования наконец собрались у телевизора.

Елизавета Елизаровна посадила к себе на колени свою отважную малышку и поцеловала ее в щечку.

– Манти, ты прелесть, – промолвила она, прижимая ребенка к груди. – Я не заметила, как ты повзрослела... Лихо ты расправилась с оборотнями. У тебя несомненный талант лидера, умеющего повелевать массами...

Девочка невесело улыбнулась; она явно не разделяла восторгов матери.

– Это всего лишь прелюдия... к опере, которая сейчас разыграется по моим нотам, – пообещала она будничным тоном. – То-то еще будет...

– Что ты еще надумала, доченька? – всполошилась Елизавета Елизаровна.

– Покончить с самым чудовищным злом, которое вы, взрослые люди, до сих пор осилить не сумели, – строго объяснила малышка, словно выговаривая в чем-то провинившейся кукле. – Что я имею в виду, увидите на экране телевизора. Смотрите...

Отец подозрительно кивнул головой, мать истерично усмехнулась, Мафусаил вздернул вверх брови и неопределенно пожал плечами; судя по всему, они подумали, что Мантисса приглашает их принять участие в некоем импровизированном спектакле, в котором будет задействован и телевизор.

Затем все четверо сосредоточили внимание на экране.

– ...Идет прямой репортаж из оккупированной Дарии, – говорил корреспондент сквозь грохот и скрежет военной техники. – Только что отбомбилась авиация, парализовав важнейшие пункты страны. Топчет поля моторизованная пехота. Кровь льется в рядах сопротивления...

Прибыл верховный командующий, чтобы поздравить с победой своих головорезов... Что это?! Фантастика?! Мистика?! Невероятно?! Агаша и его генералов какая-то неведомая сила сорвала с крупов лошадей и бросила в небо... Они уносятся прочь, словно осенние листья, подхваченные смерчем... Выше и выше... Еще мгновение – и они скрылись за облаками... Победенные и победители в шоке. Священник, обретя голос и воздев руки горе, возопил что было мочи: «Христиане, Господь явил нам чудо, чтобы убедить в своем существовании неверующих и покарать кровопийцев...»

Какое-то время пребывали в шоке и родители Мантиссы, потрясенные зрелищем.

– Боги тут ни при чем, – отозвался Мафусаил. – Они равнодушно взирают с небес на слезы и кровь смертных. Это чудо сотворила наша юная заступница, в чьем маленьком сердце нашлось место для сострадания и возмездия...

– Нет тут никакого чуда, дядя Мафусаил, – возразила малышка. – Вы наблюдали обыкновенный телекинез, с помощью которого я устроила Агашу и его гренадерам «остров святой Елены» на Марсе, где они нашли изгнание и Ватерлоо одновременно.

4.04.2004

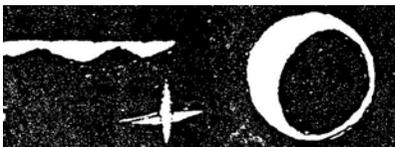

Рис. П.Бурмина «Икар»

Оглавление

Истории, рассказанные навигатором ВИС ЛОТОМ	4
Мощность звездолета: две человеческие силы.....	4
Духовная пища.....	8
Планета-однодневка	14
Побег из дому.....	21
Психогазозойская эра	25
Жизнь на бочке с порохом.....	35
Друг человека – брат человека	38
Гостья.....	42
Мир полисенсов	49
Печать Венеры	49
Абсолютное врачевание.....	52
Синдром «Шагреновой кожи».....	55
Звезда, упавшая в небо	58
Дитя-феномен.....	60
«Остров Святой Елены» на Марсе.....	63

Тираж 50 экз.

 Рекламно-издательский сектор